

Автор. Люттоли

Наказание свадьбой

<https://www.litres.ru/luttoli/> - страница со всеми книгами писателя Люттоли

<https://www.luttoli/> - личный сайт писателя Люттоли.

<https://www.bormotulka.ru> – сценарный сайт писателя Люттоли

<https://t.me/luttoli> – Телеграм писателя Люттоли

<https://www.facebook.com/luttoli> - Facebook писателя Люттоли

<https://twitter.com/Luttoli> - Твиттер писателя Люттоли

<https://vk.com/lutoli> – Вконтакте писателя Люттоли

Для переводов писателю Люттоли

Номер банковской карты: **5486 7320 0090 8327**

Яндекс кошелёк: **41001851135760**

«Наказание свадьбой»

Автор. Авторские права Люттоли

Глава 1

– Почему ты не желаешь жениться?

Этот вопрос задал виконт де Валиньи, обладающий весьма неприметной внешностью, однако не лишенный некоторого обаяния, которое выразалось в данный момент в едва заметной улыбке, словно он знал ответ на заданный им вопрос. Виконт сидел в кресле в небрежной позе, лениво следя взглядом за приготовлениями своего друга.

Луи де Бриньон граф Луи являлся полной противоположностью своего друга. Кроме возраста, а обоим едва минуло двадцать пять лет, у них не было ничего общего. Луи обладал выразительной внешностью. Голубоглазый, со светло русыми волосами, доходившими до плеч, и маленькими усами он являл собой образ мужской красоты, ибо черты лица не уступали статности его фигуры. Он был красив и прекрасно знал это. Это чувство сквозило в его взгляде, когда он, стоя перед зеркалом, придирчиво осматривал новый камзол, сшитый одним из знаменитых парижских портных всего несколько дней назад.

Камзол как нельзя лучше подчеркивал статную фигуру графа. Он несколько раз одернул рукава камзола, придавая им положенную раскроем форму, затем пробежался рукой по веренице блестящих пуговиц и только после этого повернулся к своему другу, и вместо ответа задал вопрос.

– Разве я похож на осла?

И сразу же приняв насмешливый вид, сам ответил на свой вопрос:

– Нет, мой друг, ни за что на свете – скорее я предпочту смерть.

- Но ведь когда-нибудь тебе придётся жениться, так почему не сейчас? - весьма резонно заметил виконт де Валиньи.

- Никогда!- отрезал Луи и продолжал тоном, в котором слышалась неприкрытая ирония, - брак превратит меня из охотника в гончую и, вместо того, чтобы увенчивать головы обманутых мужей увесистыми рогами, мне придётся оберегать собственную. Нет уж, увольте сударь! - Луи театрально поклонился другу, - роль охотника прельщает меня несравненно больше. Я не намерен занимать место в длинной очереди тупоголовых болванов. Женщины слишком изобретательны, когда вопрос касается такого тонкого понятия, как измена супругу, поверь, я не раз убеждался в этом на собственном опыте. Они заверяют супруга в верности и преданности, но, едва оставшись одни, прикидывают, каким способом обмануть его и изменяют, чуть ли под самым носом. Бррр! - Луи передернул плечами, на лице отразилась гримаса отвращения.

Де Валиньи невольно рассмеялся.

- Луи, мой друг, ты судишь женщин с одной стороны, забывая, по меньшей мере, о трёх других.

- Возможно, - согласился с другом граф Луи, - но о них мне ничего не известно.

Де Валиньи ничего ответил. Он лишь молча следил за приготовлениями своего друга, который готовился к очередному «походу», как выражался сам Луи.

- Кто на сей раз? - поинтересовался де Валиньи, - не та ли черноволосая баронесса?

- С ней покончено, - отозвался граф Луи, приглаживая свои волосы, - баронесса оказалась на редкость скучной особой. Только и знала, что твердила мне о своих чувствах. Проклятье, сплошное однообразие. Неужели все женщины одинаковы?

- Тебе лучше знать, - тонко заметил де Валиньи, - ты у нас слывёшь знатоком прекрасного пола.

- Пора! - решил граф Луи.

Отглядев себя в зеркале в последний раз, он открыл дверь комнаты и, высунувшись, закричал:

- Диманш!

- Будь осторожен, - предостерег друга де Валиньи, - обманутый супруг может представлять большую опасность.

- Надеюсь что так, - беззаботно отозвался Луи, - было бы неплохо после теплой постели размяться на дуэли.

Де Валиньи осуждающе покачал головой. Подобное легкомыслие могло привести к весьма плачевным результатам. Он отлично понимал это, но попытки объяснить это Луи, не имели успеха.

Обладая бесшабашным нравом, Луи лишь посмеивался над нравоучениями своего друга.

- Диманш!

Пожилый слуга без стука вошёл в дверь. Он с явным неодобрением осмотрел своего хозяина.

- Опять? Попомните мои слова, монсеньор, ваши ночные прогулки закончатся на одной из Парижских улочек в объятиях пары дюжин головорезов.

- Перестань ворчать и принеси плащ и шляпу, - голос Луи звучал совершенно спокойно. Он давно привык к репликам Диманша и не обращал на них ни малейшего внимания.

- Лучше бы я остался в Сансере, - с тяжелым вздохом заметил Диманш

- Ты сам приехал, я тебя не звал, - напомнил ему Луи, - кстати сказать, ты всегда можешь отправиться обратно.

- Ещё чего!- сердито выдохнул Диманш, - без меня вы совсем пропадёте.

- Ну, если все вопросы и наставления исчерпаны, может, ты выполнишь мою просьбу?

- Иду, иду,- бросив сердитый взгляд на улыбающегося Луи, Диманш отправился вниз.

- Я полностью согласен с ним,- подал голос де Валиньи.

- Антуан,- Луи косо посмотрел на своего друга, - ты становишься похожим на моего дядюшку.

- Кстати о твоём дядюшке,- неожиданно вспомнил де Валиньи, - надеюсь, ты не забыл о приёме? Герцог Бурбонский передал, что не потерпит твоего отсутствия.

Граф де Сансер нахмурил брови при этом известии.

Вот уже, второй год его беспокойный дядюшка герцог Бурбонский пытался навязать ему брак. Герцог являлся опекуном Луи и, пользуясь своим правом, настаивал на своём решении. Однако, несмотря на многочисленные попытки герцога, Луи до сих пор удавалось избегать ненавистного брака. К чему только его дядюшка не прибегал, какими только ухищрениями не пользовался, но Луи держал ухо востро. И в свою очередь, сколько ни уговаривал Луи дядюшку бросить затею с его браком, тот настаивал на своём. Луи начал склоняться к мысли, что лишь прямое столкновение с герцогом избавит его от настойчивости дядюшки. Хотя он не мог не понимать, чем грозит ему прямое неподчинение. Наконец, он махнул на всё рукой. Каким бы не стало для него наказание - это лучше, чем брак. Утвердившись в своём намерении, он стал лишь ждать очередной попытки герцога Бурбонского для того, чтобы открыто заявить о своём нежелании жениться ни сейчас, ни когда бы то ни было. И вот, кажется, час настал, ибо он не сомневался в истинной причине приёма, устраиваемого дядюшкой.

Наследник знатного и богатого рода, он привлекал к своей особе повышенное внимание, но на сей раз, он отобьёт охоту у всех, кто имеет на него виды. Граф Луи принадлежит только графу Луиу. Но всё же, слова де Валиньи стали для Луи весьма неприятным известием.

- Чёрт бы побрал моего дядюшку!- в сердцах вырвалось у Луи, - неужто так трудно оставить меня в покое? Сколько раз я твердил ему, что не собираюсь жениться, а он снова за своё. Могу поклясться, он вновь заведёт разговор про то, насколько хорошо иметь супругу, что необходимо иметь наследников и остальную ерунду про семью. Держу пари, что он и невесту мне подыскал. Проклятье!

- Она довольно хороша собой, знатна, богата,- улыбаясь, сообщил де Валиньи.

Слегка удивлённый взгляд Луи остановился на де Валиньи.

- Откуда тебе известно?

- Сожалею мой друг, но в Париже все, кроме тебя знают про будущую графиню Луи, - де Валиньи и не пытался скрыть злорадства в голосе.

- Предатель!

Де Валиньи рассмеялся открыто и весело, в то время как Луи с угрюмым видом смотрел на него.

- Надеюсь, моё предательство не послужит поводом для твоего отказа?- де Валиньи явно наслаждался моментом, - я обещал герцогу, что доставлю тебя во дворец!

- Никоим образом, мой друг,- ответил Луи, на губах которого заиграла загадочная улыбка.

При виде этой улыбки радостное настроение де Валиньи, как ветром, сдуло.

- Мне не нравится твоя улыбка. Всякий раз, когда ты улыбаешься, таким образом, происходят весьма неприятные для окружающих события.

Появился Диманш.

Не отвечая де Валиньи, Луи накинуд на плечи плащ, надел шляпу с слегка изогнутыми краями и, вооружившись шпагой с кинжалом, поспешно покинул

дом.

– Неисправим, – вслед ему напутствовал Диманш.

– Мне надо дожидаться Луи, – поднявшись с кресла, сказал де Валиньи, – надеюсь, у тебя найдется бутылка доброго вина?

– Идемте, ваша светлость! У Диманша всегда найдётся угощение для добрых друзей моего хозяина.

Выйдя из дверей своего особняка, который находился на улице Святого Якова, Луи плотнее укутался плащ и быстро зашагал вперёд, в сторону Сен-Дени, чьи купола возвышались перед ним. Накрапывал небольшой дождь, луна едва освещала улицы ночного Парижа, но Луи уверенной походкой двигался в нужном ему направлении. Через четверть часа Луи миновал собор, оставил его справа от себя, и направился к мосту через Сену, который соединял левый берег с правым.

Мост выглядел безлюдным. Одинокие прохожие опасливо озирались на него, но Луи не обращал на них внимания. Перебравшись через мост на другую сторону, Луи сразу же свернул налево, в сторону возвышающегося впереди Лувра. Миновав несколько домов, Луи остановился на перекрёстке двух улочек и, укутавшись ещё больше в плащ, прижался спиной к каменной стене. Дневной шум улиц сменила привычная ночная тишина. Луна полностью скрылась за тучами. Улочку едва-едва освещал одинокий конусообразный фонарь, прикрепленный к деревянному столбу.

Прижавшись к стене, граф из под опущенной полы шляпы пристально следил за двухэтажным каменным особняком. Особняк, находился не более чем в тридцати шагах от того места, где он стоял и был огорожен железной решёткой по всему периметру. Похоже, там все спали, ибо как ни всматривался Луи, нигде в доме не заметил ни одного огонька.

Часы на площади пробили десять часов.

– Пора, – пробормотал Луи, обращаясь к самому себе, – а её всё нет.

Неужели она всерьёз полагает, что я стану дожидаться, словно нищий на паперти? Если она не появится через минуту...

Луи прервал разговор с самим собой, ибо в эту минуту заметил, как на балконе, примыкающем к дому с левой стороны, показался огонёк, а вслед за ним услышал весьма характерное шуршание. Через мгновение огонёк исчез. Луи торопливо пересёк улицу и, подойдя к железной ограде, окружавшей дом, перелез через неё. Оказавшись в саду, он, стараясь не шуметь, направился в сторону балкона. Как он и предполагал, с балкона свисала верёвочная лестница. Схватившись за неё Луи, без видимых усилий достиг балкона. Очутившись на балконе, Луи вытянул вперёд руки и двинулся вперёд. Из-за темноты он совершенно ничего не мог разглядеть. И едва раздражение успело его охватить, как его руки упёрлись во что-то мягкое, и женский голос с нежностью произнёс;

– Сюда, мой возлюбленный Луи!

Ощувив руку женщины, Луи послушно двинулся за ней. Ночной дождь уступил место приятной теплоте.

– Мой возлюбленный!

Шёпот перешёл в нежное объятие, а затем Луи почувствовал прикосновение губ.

– Изабель, зажги свечу! – попросил Луи.

– Нельзя, – раздалось в ответ, – мой муж спит в соседней комнате, к тому же в полной темноте всё выглядит совершенным.

Она явно скрывает какой-то недостаток, – подумал Луи, но дальнейшие мысли прервали настойчивые объятия Изабель. Луи не стал ждать и принялся обследовать руками тело Изабель. Начав с лица, он погладил шею и собирался коснуться её груди, как ощутил пустоту.

– Проклятье, я ничего не вижу, – пробормотал Луи, хватая руками пустое пространство.

- Вот они,- раздался шёпот Изабель, а вслед за этим Луи почувствовал, как она взяла его руки и положила на свои обнажённые груди.

- Они жаждут твоих прикосновений, они жаждут твоих поцелуев.

- Они всё получают! - прошептал в ответ Луи.

Он послушно лёг в постель и позволил Изабель раздеть себя и делать всё, что ей заблагорассудится. Луи расслабился от нежных ласк Изабель.

Как ни странно, но его увлекала не столько любовная встреча, сколь опасность, которая её сопровождала. Ведь в любой момент их могли бы обнаружить.

Они занимались любовью не менее часа, правильнее сказать Изабель, потому что Луи почти остался равнодушным. Изабель изначально ему не нравилась и, если он пришёл к ней, то только из-за того, чтобы сохранить репутацию сердцееда и повесы. Луи заложил руки за голову и растянувшись, рассеянно прислушивался к торопливому шёпоту Изабель.

- Красавчик Сансер здесь, в моей постели! С ума можно сойти. Как я рада, как счастлива, что ты, наконец, внял моим молитвам. В течение целого месяца я писала тебе письма, в которых просила, умоляла о встрече, а ты не отвечал, я уже и не надеялась.

- Поверьте, сударыня, мольбы красивой женщины всегда доходят до моего слуха,- голос Луи прозвучал фальшиво.

- Сударыня? Слишком холодное слово. Называй меня «Возлюбленной Изабель»! Изабель потерлась ногами о его тело.

Час от часу, не легче, - подумал Луи, - вначале она меня называет возлюбленным, затем требует от меня того же. Интересно, что будет дальше? Луи почувствовал неудержимое желание немедленно покинуть Изабель и с этой целью осторожно заговорил.

- Изабель, сожалею, но мне придётся покинуть вас. Видите ли, мой...

- Ничего не желаю слушать,- послышался капризный шёпот Изабель, - я не выпущу тебя из своих объятий. Останешься до утра, мой Луи, нет, до завтрашней ночи. Я притворюсь, больной и скажу мужу, чтобы не беспокоил меня. Мы сможем наслаждаться нашей любовью два дня, а потом ещё и ещё, мой возлюбленный Луи, я так счастлива. Никто из моих друзей не верил, что мне удастся влюбить в себя красавца Сансера. Представляю, с какой завистью они будут смотреть на меня!

Изабель тихонько захихикала. - Ещё бы, красавчик Сансер влюбился в Изабель! Эту новость будет обсуждать весь Париж.

Пламя адово, с кем я связался? - подумал Луи.

- Я снова желаю тебя, мой возлюбленный Луи, - рука Изабель целенаправленно двинулась по телу Луи к определённой точке.

- Этому не бывать никогда больше, - с внезапным чувством отвращения подумал граф Луи.

Он незаметно вытянул правую руку в поисках какого-либо предмета. Нашупав предмет, по форме напоминавший кувшин, Луи схватил его за горлышко и приподнял вверх.

- Мой Луи! - страстные слова Изабель были прерваны грохотом разбившегося кувшина.

- О, Господи, - испуганно прошептала Изабель, - вы же разбудите моего мужа.

- Я нечаянно разбил, - с притворным раскаянием пробормотал де Сансер.

Той же рукой он стал шарить по полу в поисках одежды. Услышав скрип отворяемой двери в соседней комнате, де Сансер поднялся с постели. Он почти оделся, когда за дверью раздался мужской голос:

- Изабель, дорогая, с тобой всё в порядке?

- Да, - придав голосу сонные нотки ответила Изабель, - я во сне нечаянно разбила кувшин. Идите спать, мой дорогой муж, не стоит за

меня беспокоится.

– Не смейте одеваться, – прошипела Изабель в сторону де Сансера, – этот болван сейчас уйдет. Словно подтверждая её слова, за дверь раздался мужской голос.

– Хорошо дорогая! Спокойной ночи!

– Вам тоже сударь! – громко произнёс де Сансер, – о супруге не беспокойтесь. Она в надёжных руках.

– Мерзавец, – услышал де Сансер гневный голос Изабель.

За дверь, после минутной тишины, раздались истомные крики, в дверь со всей силы заколотили.

– Блудница! Мерзавка! – кричал обманутый муж.

Снаружи послышался топот ног. Видимо, на шум сбегались слуги

– Ломайте дверь!

Эти слова подействовали на графа де Сансера как призыв к бегству.

– Господи, что со мной будет, что будет? – повторяла Изабель.

– Уверен, вы легко выпутаетесь из создавшейся ситуации, – насмешливо бросил де Сансер.

И, прежде чем выскользнуть на балкон, добавил.

– Примите, дружеский совет сударыня. Не изменяйте своему супругу!

– Пошёл вон, мерзавец, – уже громко закричала Изабель, – Жорж ...

Жорж ... в моей спальне находится незнакомый мужчина. Он пристаёт ко мне, о господи скорей, скорей ...

Луи расхохотался. Хохоча, он в мгновение ока спустился по лестнице, перемахнул через ограду и бросился бежать по улице.

Наконец, запыхавшись скорее от смеха, чем от бега Луи остановился.

– И после всего этого они хотят меня женить, – весело подумал Луи, – ну что ж, дорогой дядюшка, посмотрим, что вы припасли для меня на сей раз. Застегнув, наконец, камзол, Луи отправился домой.

Глава 2

Спустя некоторое время, Луи бок о бок с де Валиньи въехал в ворота особняка. Копыта лошадей гулко цокали по каменной дорожке, которая была ярко освещена многочисленными факелами. Несколько десятков карет стояли напротив входа в особняк. Всюду царил переполох. Занятые неотложными делами, по двору сновали слуги.

Де Валиньи присвистнул.

– Похоже, твой дядюшка устраивает приём с размахом!

Не обращая внимания на его слова, Луи спешил. Валиньи слез с коня вслед за ним. Они привязали коней рядом с каретами и неторопливо вошли через широкую массивную дверь внутрь.

В зале Бурбонского дворца находилось не менее полусотни гостей.

Разбившись на небольшие группы, они вели оживлённую беседу в ожидании начала пиршества. Музыканты наигрывали весёлую мелодию. Здесь же слуги с поспешностью накрывали столы.

В стороне от всех стоял герцог Бурбонский с весьма хмурым лицом. Он то и дело нетерпеливо поглядывал на входную дверь.

– Он не придёт монсеньор? – герцог Бурбонский обернулся, услышав голос.

– Придёт, Люсинда, не сомневайся, – уверил молодую девушку герцог.

Молодая особа отошла от герцога с весьма печальным видом. К ней тут же подошли несколько дам с поздравлениями.

Отглядевшись, герцог Бурбонский заметил, что не он один поглядывает на дверь. Похоже, многие с нетерпением ожидали появления его несносного

племянника и, более всего, Люсинда. Она вообще не отрывала взгляда от входной двери, ведущей в зал. Чувствовалось, что она отвечает невпопад своим собеседницам.

– Граф Луи! – объявил громко дворецкий.

Бросив мельком взгляд на Люсинду, герцог Бурбонский увидел, каким радостным стало выражение её лица. Он посмотрел на Луи, который, как ни в чём ни бывало, двигался по залу, расточая комплименты дамам и вежливо раскланиваясь со своими знакомыми. При этом, он словно не замечал присутствия своего дяди. При виде такого пренебрежения к своей особе, герцог Бурбонский помрачнел.

Луи украдкой следил за своим дядей и видел, как меняется лицо герцога.

– Пора, – наконец решил он, – дальше тянуть нельзя.

Молодая изящная дама коснулась веером его руки.

– Негодник, – кокетливо заметила дама, – о том, что собираетесь жениться, вы могли поставить меня в известность. Впрочем, я надеюсь, что между нами всё останется по-прежнему и вы сможете навещать меня изредка. Надеюсь, ваша невеста не станет возражать против этих, в высшей степени безобидных встреч. Возможно, я ошибаюсь. Судя по всему, она весьма ревнивая особа.

– Кто? Ты о ком говоришь Клементина? – Луи удивлённо воззрился на свою собеседницу, а затем проследил за её взглядом и увидел юную особу, стоявшую в окружении дам, и не сводящую с него взгляда.

Луи неприятно поразил этот взгляд. Так смотрят на вещь, которая принадлежит тебе.

Легко коснувшись руки Клементины, Луи извинился.

– Мне необходимо поговорить с дядюшкой!

– Иди, и в следующий раз, граф, – громко добавила она, – постарайтесь не опаздывать на собственную помолвку.

В зале послышалось едва сдерживаемый смех.

Луи остановился и с удивлением посмотрел на Клементину.

– С чего вы взяли, будто сегодня моя помолвка?

– Так сказано в приглашении, которое нам прислали, – послышался насмешливый ответ.

– Нет нужды спрашивать, кто вам прислал их, – с виду спокойный Луи повернулся и направился к своему дяде.

Отвесив лёгкий поклон, он поднял взгляд на герцога.

– Не желаете мне объяснить происходящее? – с едва сдерживаемым гневом спросил Луи.

– Ты женишься! – коротко ответил герцог Бурбонский.

– Вот как? – Луи почему-то развеселил ответ герцога, – и как вы собираетесь принудить меня к браку?

– Я не собираюсь тебя принуждать. Ты по доброй воле поведёшь к алтарю ту, которую я выберу для тебя, – жёстко ответил герцог Бурбонский

– Нет! – спокойно отчеканил Луи.

– Нет?

– Нет, – твёрдо повторил Луи, – я никогда не женюсь. Это моё решение, и никто не сможет убедить меня в обратном.

– Позволь спросить, – голос герцога Бурбонского сорвался на крик, – до каких пор ты будешь позорить доброе имя твоего отца? До каких пор ты будешь выставлять меня посмешищем перед всем Парижем? Я не говорю о его величестве, у которого я был на аудиенции не далее, как сегодня утром. Его величество указал на недопустимость твоего поведения и пригрозил расправой в случае, если ты не образумишься. Я стоял с красным от стыда лицом, не в силах сказать что-либо в твоё оправдание, ибо говорить было нечего. Ты в полной мере заслужил гнев его величества, равно как и мой. Твоё поведение непростительно. Оно достойно самого серьёзного осуждения.

- Моё поведение? - Луи недоумённо пожал плечами, - я всего лишь сказал, что не желаю жениться...

- Луи, - грозно и резко оборвал его герцог Бурбонский, - его величество едва ли не ежедневно выслушивает на тебя жалобы. Я их выслушиваю вдвое больше. Ты пользуешься всеми возможными способами, чтобы пробраться в спальни добропорядочных женщин, а если обманутый муж посмеет обвинить тебя - ты вызываешь его на дуэль и убиваешь. Поступок ещё более бесчестный. Этому надо положить конец, немедленно. Ты должен жениться.

- Это произошло всего лишь однажды, - попытался оправдаться Луи, - но не мог же я, в конце концов, позволить убить себя?! После того случая я и не думал...

- Вот он! - раздался истошный крик.

Взгляды всех присутствующих устремились на невысокого полного мужчину, который стремительно ворвался в зал.

Только его не хватало, - подумал Луи, узнав в прибывшем мужа Изабель, виконта Ле Гранье.

Достигнув Луи, Ле Гранье возопил, обращаясь к герцогу Бурбонскому.

- Монсеньор! Я требую справедливости! Этот человек, - рука виконта была направлена на Луи, - пробрался в спальню моей супруги и пытался обесчестить её.

- Почему же пытался?

- Замолчи Луи, - с ужасом воскликнул герцог Бурбонский, - твоё поведение не имеет оправданий.

- Моё поведение касается только меня, - Луи, которому начал надоедать весь этот фарс, ответил излишне резко. Следующие слова были предназначены обманутому мужу.

- Сударь! Я действительно переспал с вашей супругой и отнюдь не против её воли. Вы можете принять мои извинения или я приму ваш вызов.

Слова Луи мгновенно утихомирили виконта. Он прекрасно понимал, чем грозит ему поединок.

Приняв оскорблённый вид, виконт ответил:

- Я приму ваши извинения вместе с обещанием никогда впредь не приближаться к моей супруге.

- Оно у вас есть! - Луи поклонился виконту и в это мгновение раздался голос пьяного барона дю Рено.

- Мою супругу ему не удалось прибрать к рукам.

Оставив виконта, Луи направился к барону. Прежде он никогда не видел его, ровно как и его супругу. Прозвучавшие слова вызвали у него лёгкое удивление.

- Поверьте, сударь, я никоим образом не пытался совершить то, в чём вы меня обвиняете, я незнаком с вашей супругой.

- Ложь! - закричал в ответ барон дю Рено, - супруга не раз рассказывала мне о ваших домогательствах. Вашему поведению нет прощения. Мы просто обязаны избавить общество от подобной гнусности.

- Вы дважды оскорбили меня, - с виду спокойно произнёс Луи, хотя в душе его клокотала ярость, - поэтому, либо вы немедленно попросите прощения, либо я убью вас.

- Ни первое, ни второе. У вас ничего не выйдет. Я не попрошу прощения и не буду с вами драться. Можете меня убить прямо здесь, если хотите, - пьяный барон расхохотался прямо в лицо Луи.

Все присутствующие прекрасно понимали, что обнажать оружие против безоружного Луи не станет. Барон поставил его в дурацкое положение.

- Хорошо, - после недолгого раздумья сказал Луи, - я найду третий способ наказать вас.

- И какой же? - насмешливо поинтересовался дю Рено.

- Пересплю с вашей женой!

- Вам не разозлить меня граф!
- В вашем же доме, слово чести!
- Луи, - герцог Бурбонский схватился двумя руками за голову, - немедленно прекрати. Немедленно.
- На этот раз наши желания совпадают, монсеньор! - Луи отвесил ему поклон, затем один общий и быстро зашагал к выходу.
- Ты будешь наказан! - вслед ему закричал герцог Бурбонский.
- Извольте, буду с нетерпением ждать, - не оборачиваясь, бросил Луи и вышел из зала.
Де Валиньи догнал его, когда Луи уже вскочил на коня.
- Ты что, совсем обезумел? - закричал на друга де Валиньи, - в присутствии стольких людей высказал полное неуважение к гер..
- Где обитает барон дю Рено? - перебил его Луи.
- У него замок в тридцати лье от Парижа, - де Валиньи осёкся, почти с испугом глядя на Луи. - Надеюсь, ты не собираешься сделать того, о чём говорил?
- Виконт! - выразительно ответил Луи, - я никогда не даю обещаний, но если даю - обязательно выполняю их.
Оставив друга, Луи прищипорил коня.

Глава 3

Десятью днями позже после описанных выше событий, в небольшой живописной деревушке, что находилась вблизи замка дю Рено, появился одинокий всадник. Это был ни кто иной, как Луи - собственной персоной. Миновав окраину, он спешил к возле маленькой, на вид убогой церкви. Осенив себя, Луи без промедления вошёл внутрь.
Убранство церкви было под стать её внешнему виду. Несколько рядов грубо сколоченных деревянных скамеек и несколько десятков изображений с ликами святых. И лишь впереди, у самой стены, висело большое изображение распятого Христа.
Луи подошёл к распятию и преломил колени. В тишине церкви зазвучали слова молитвы. Сплета пальцы и опустив голову, Луи с пылом и страстностью произносил слова молитвы. Закончив молиться, он перекрестился и встал с колен.
- Сын мой, ты прибыл издалека? Прежде я тебя здесь не видел!
Отец Бенедикт, местный священник подошёл к Луи.
- Вы правы святой отец, - придав голосу нотку грусти, отвечал Луи, - я прибыл издалека.
- И что привело тебя, сын мой, в наши края?
- Я грешен, святой отец, - сокрушённо ответил Луи, - моя душа нуждается в исповеди.
Священник сочувственно покачал головой в знак того, что прекрасно понимает его состояние. К нему приходило много людей, и все они начинали приблизительно с этих слов.
- Приходи завтра, сын мой, - посоветовал отец Бенедикт, - сегодня я не могу помочь тебе, ибо получил послание от барона с просьбой прибыть в замок. Баронесса занемогла. Она нуждается в утешении.
Лучше и быть не может, - подумал Луи, - баронесса действительно нуждается в утешении, но вам, святой отец, это сделать не под силу.
Изобразив на лице глубокую печаль, Луи схватил священника за руку.
- Вы не можете оставить меня с таким горем, - горестно воскликнул он, - возможно, я не доживу до утра. Помогите святой отец, клятва, данная мной, тяжким бременем лежит на моей душе.

- Хорошо, сын мой,- поколебавшись, согласился священник, - я выслушаю тебя, только будь краток.

- Благодарю от души, святой отец, благодарю вас!

Луи последовал за священником в исповедальню. Отец Бенедикт открыл в перегородке маленькое окошечко, огороженное решёткой.

- Слушаю тебя сын мой!

С чего же начать? - думал Луи, - проклятье, я ни разу не был на исповеди.

- Я жду, сын мой, - раздался голос отца Бенедикта.

- Я грешен, отец мой!

Начало неплохое, - подумал Луи, и выдумывая по ходу развития исповеди, продолжал.

- Несколько месяцев назад, я оказался в одном неудобном богу месте, за что до сих пор не могу простить себя.

- Говорите понятнее, сын мой, о каком месте идёт речь?

- Я имею в виду женщин лёгкого поведения, святой отец.

- Сие богопротивное место,- согласился отец Бенедикт, - однако, я тебя слушаю, продолжай, сын мой.

- Так вот, я уединился в этой богопротивной обители с одной из девиц,- Луи лгал свободно, без угрызений совести, - больше всего меня привлекли пышные груди этой девицы. Я знаю - это страшный грех, но у меня слабость к таким вещам.

- Продолжай сын мой!

- Мы с этой девицей стали грешить.

- Ты женат, сын мой?- перебил его вопросом священник.

- Нет, отец!

- Твой поступок не может считаться грехом, ибо ты не связан супружеским обетом и, если это всё...

- Вы облегчили мою душу, святой отец,- с пылом воскликнул Луи,- но вы выслушали лишь часть моего грехопадения. Правда в том, что в ту ночь я поссорился с этой девицей, напился и дал клятву, которую до сих пор не могу исполнить.

- Что это за клятва, сын мой? - священник понемногу начал терять терпение.

- Я поклялся, что найду священника, который не откажется выпить со мной пару бутылок хорошего вина.

- Твои слова грешны, сын мой. Ибо нам не дозволяется употреблять ничего, кроме простой воды!

- Величайшая несправедливость,- заметил Луи.

- Мы всего лишь слуги божьи и делаем то, что велит нам господь,- скромно ответил священник.

- Разве господь не крестил вином и хлебом?

- Да, но...

- Прибавьте к этому облегчение, которое принесёт ваша жертва.

- Я не могу помочь тебе, сын мой,- не очень уверенно ответил отец Бенедикт.

- Добавьте к этому жирного жареного фазана. Неужели вы откажете страждущему и обречёте его на мучения?

По-видимому, в душе священника происходила борьба, так как он долгое время молчал.

- Хорошо, - согласился, наконец, отец Бенедикт,- ради спокойствия твоей души, я возьму этот грех на себя, сын мой.

- Отец, от всей души благодарю вас,- Луи радовался искренне. Первая часть, самая сложная, как он считал, удалась на славу.

Оставив коня, он пешком с отцом Бенедиктом отправился в харчевню. Там он без зазрения совести напоил за несколько часов не только отца Бенедикта,

но и всех кто находился в харчевне. Лишь убедившись, что отец Бенедикт находится в нужном для него состоянии, Луи покинул харчевню. Отца Бенедикта, который не в состоянии был ходить, вызвались отнести в церковь трое из местных, которым Луи щедро заплатил. Они внесли бесчувственного священника в церковь и уложили под распятием Христа, а затем сразу вышли.

Луи, оставшись один, недолго думая, стянул рясу со священника и накинул на себя. Он поправил складки и проверил, заметна ли из-под рясы шпага. Убедившись, что складки рясы надёжно скрывают шпагу, он накинул капюшон на голову таким образом, чтобы не было видно его лица, и торопливо вышел из церкви.

Те трое всё ещё стояли возле церкви и с крайним изумлением смотрели на отца Бенедикта, который с необычайной лёгкостью вскочил в седло коня.

- Уже протрезвел! - пьяным голосом заметил один из них.

- Да ещё похудел, бедняга! - заметил второй.

- Может, пойдем, выпьем? - предложил третий.

Луи не слышал этот разговор. Он погнал коня во весь опор к замку дю Рено. Наступала темнота, лучший помощник в затеянном им деле. О подстерегающих его опасностях он не думал. В голове сидела только одна мысль - барон дю Рено должен быть наказан.

Луи подъехал к воротам замка в полной темноте и, надвинув глубже капюшон на лицо, громко застучал в ворота.

Стража на стенах зевала после обильного ужина. Они с безразличием взирали сверху на подъехавшего всадника.

- Чего рты разинули? - раздался окрик начальника стражи, - это отец Бенедикт, его сиятельство ждёт его.

После недолго ожидания ворота со скрипом отворились. Луи въехал во двор, где его встретили трое стражников с горящими факелами. Один из них с явным изумлением смотрел на него.

- Отец, вы же говорили, что не выносите лошадей? - раздался его удивлённый голос.

- Спешил к страждущей душе, - Луи гнусавил, подражая голосу священника, - помоги слезть с лошади, сын мой.

- Сейчас, отец! - стражник поддерживал Луи, пока он, кряхтя, слезал с лошади.

- Проклятая тварь, прости меня господи за богохульство, - Луи набожно перекрестился.

Один из стражников опустился перед ним на колени.

- Благословите святой отец!

- Отпускаю все твои грехи, во имя отца, сына и святого духа! - Луи перекрестил коленопреклонённого стражника.

- Я же просил благословения, святой отец, - неуверенно произнёс стражник.

- Господь говорил нам; пусть тот кинет в нас камень, кто сам безгрешен!

Что я несу? - подумал Луи, поспешно ретируясь с места событий.

- Святой человек! - с восхищением глядя ему вслед, проговорил стражник.

В холле замка мнимого священника встретил сам хозяин замка - барон дю Рено. Он долгое время с неприкрытым удивлением рассматривал прибывшего, и Луи, которому начало казаться, что его затея провалилась, нащупал шпагу под полой рясы.

- Святой отец, вы сильно исхудали, - раздался, наконец, голос барона.

Луи не смог сдержать облегчённого вздоха.

- Пост и молитвы, сын мой, - прогнусавил Луи.

- Пойдёмте святой отец, баронесса с самого утра чувствует себя плохо.

Она всё время просит привести вас к ней, не могу понять, что с ней. А почему вы так сильно задержались? - неожиданно спросил барон.

- Причащал кузнеца, - не думая, ответил Луи.

- А я не знал, что наш кузнец умер?- удивился барон, - как это случилось? Если бы он только мог видеть улыбку Луи в это мгновение.

- Повесился бедняга, когда узнал, что жена ему изменила!

Барон перекрестился.

- Господь прими его грешную душу.

Вслед за бароном, Луи поднялся по узкой лестнице на второй этаж и по длинному коридору, на стенах которого висели факелы. Миновал несколько комнат. Возле последней барон остановился и отворил дверь перед Луи. Луи не замедлил войти внутрь. Барон вошёл следом. Убедившись, что баронесса не спит, он шёпотом обратился к Луи.

- Прошу вас, святой отец, помогите моей любимой супруге!

- Не сомневайся в божьей силе, сын мой! - ответил Луи, молча провожая барона взглядом.

Когда барон вышел из комнаты, оставив его наедине с баронессой, Луи повернулся к больной.

Баронесса лежала в широкой постели укутанная несколькими одеялами. У изголовья горели свечи, а сама она выглядела весьма подавленно и с надеждой смотрела на священника.

Луи пододвинул стул к изголовью.

- Итак, дитя моё, ты скажешь мне, что тебя беспокоит?

Баронесса выпростала из под одеяла руку и схватив её руку Луи, с мольбой воскликнула:

- Спасите меня святой отец, я грешна и я умираю!

- Откройся, дитя моё, и я смогу помочь тебе!

- Да, да,- торопливо зашептала баронесса, - это всё из-за него, из-за графа Луи. Я безумно влюблена в него, я всё время думаю о нём и...

- Поэтому ты солгала своему супругу?

- Откуда вы знаете? - Луи не мог не заметить бледности баронессы.

- Я присутствовал там! - Луи заговорил обычным голосом

Поднявшись со своего места, он одним движением сбросил капюшон, обнажая лицо.

- Вы? -вырвалось у баронессы, - вы здесь?

- Я всегда держу слово, баронесса! - не сводя с неё пристального взгляда ответил Луи, - хотя и оказался втянут в эту историю помимо своей воли.

- Простите, бога ради, граф, - взмолилась баронесса,- я не желала причинить вам вреда, я всего лишь мечтала...

- Теперь поздно сожалеть, сударыня, - перебил её Луи, - мы должны исправить то, что вы сделали.

- Я не знаю, как... - пролепетала баронесса.

Луи бросил на неё весьма выразительный взгляд, от чего щёки баронессы тут же заалели.

- Вы лжёте, сударыня. Вы прекрасно знаете, почему я здесь. Вы получите то, чего так желали. Раздевайтесь, сударыня!

Ровно через час барон дю Рено увидел выходящего отца Венедикта.

- Как баронесса?- сразу же с беспокойством спросил барон.

- Взгляните сами! - отвечивал Луи.

Барон приоткрыл дверь в покои своей супруги. Ему сразу же бросились в глаза пунцовые щёки баронессы.

- Она казалась умирающей, а сейчас просто пышет здоровьем. Вы сотворили чудо, святой отец!

- Старался, как мог,- скромно ответил Луи.

Барон дю Рено собственноручно проводил священника до ворот. По дороге, он непрестанно рассыпался в благодарностях. Он довёл его до коня и помог взобраться в седло, затем крикнул страже, чтобы отворили ворота. Едва ворота отворились, Луи обратился к барону.

- Сын мой?!

- Что, святой отец?

Луи протянул барону подвязки его супруги. Барон недоумённо разглядывал подвязки, а Луи тем временем откинул капюшон с лица.

- Помните ли вы, обещание, которое я вам дал? Я сделал больше сударь. Вы собственноручно проводили меня к своей жене. Да ещё и поблагодарили.

Луи пришпорил коня, вылетая из ворот. Вслед ему смотрел, остолбеневший от ужаса происшедшего, барон дю Рено.

Через несколько мгновений, Луи различил проклятия, которыми сыпал барон в его адрес.

- Так тебе и надо! - злорадно подумал Луи и тут же расхохотался.

Глава 4

В то время, когда Луи бешеным галопом въезжал в свой родовой замок, в Сансере, в другом не менее славном, чем Париж городе, происходило немало удивительных событий. Но мы не станем останавливать на них пристального внимания, а обратимся к более незначительным.

Во все времена Орлеан являлся неотъемлемым доменом французского королевства. По заведённому порядку, титул герцога Орлеанского получал второй по старшинству сын короля Франции, впрочем как и весь город с прилежащими окрестностями. Орлеан, безусловно, не мог сравниться в великолепии с Парижем, здесь не было двора в том значении, которое придавалось ему в Париже, но тем не менее, жизнь в городе бурлила с не меньшим подъемом. Едва ли не главной достопримечательностью города, по утверждению самих горожан, являлся сам дворец герцогов Орлеанских, расположенный в западной части города. Прямо перед дворцом находилась площадь с каменной мостовой. Посередине площади стоял величественный памятник Карлу V.

Площадь являлась излюбленным местом горожан. Именно здесь брали начало все сплетни, ходившие по городу. Местная знать наряжалась в свои лучшие одежды и подчас целыми семьями прогуливалась по площади. Большинство разговоров на площади начинались с восклицания: «А вы знаете?»

Находясь на площади, можно было видеть второй и третий этажи дворца герцогов Орлеанских с массивными окнами. Первый был скрыт от взора стеной, окружающей территорию дворца по всему периметру. Прямо напротив статуи находились глухие железные ворота. Два стражника днём и ночью стерегли въезд во дворец. Правое крыло дворца первого этажа занимала прислуга, здесь так же находилась кухня и другие подсобные помещения. Поднявшись на второй этаж, мы могли увидеть огромный пиршественный зал, где обычно устраивались балы и приёмы. Здесь же находился личный кабинет и приёмная герцога Орлеанского. Третий этаж состоял из целой вереницы комнат, служивших опочивальнями для хозяев и гостей замка. Дворец отличала роскошь во всём. Позолоченные светильники сочетались с резной мебелью из ценных пород, на этажах стояли скульптуры и многое другое, которое и не стоит перечислять. Однако, это величие не шло ни в какое сравнение с чудесным садом, разбитым позади дворца. Сразу при входе в сад начинались несколько рядов низкорослых деревьев. Через 20 шагов они разбивались на три части, образуя три аллеи. Вдоль средней аллеи вился благоухающий цветник. Он спускался почти к самому берегу маленького озера, созданного посередине сада. Вокруг озера росли деревья, ветви которых почти касались поверхности озера. В конце цветника, у кромки самого озера, была сооружена небольшая площадка, где стояла скамейка. Сев на неё, можно было опустить ноги в воду.

Именно этим и занималась юная дочь герцога Орлеанского - Генриетта.

Подняв полы платья с весьма незатейливыми узорами, она болтала ногами в

воде, разбрызгивая вокруг себя тысячи брызг. На какое-то время она остановилась, наблюдая за расходящимися кругами. Кроме неё самой, правом беспрепятственного входа в сад обладал лишь один человек – её садовник. Всем остальным обитателям дворца, включая её отца, запрещалось без её разрешения входить на территорию сада. Генриетта исполнилось девятнадцать лет. Она была единственной дочерью герцога Орлеанского. Несмотря на ангельскую красоту Генриетты, ни во дворце, ни в городе не нашлось бы человека, отзывавшегося о ней хорошо, ибо Генриетта обладала весьма скверным характером, о котором знали все, включая короля Франции. В последний год даже гости перестали приезжать во дворец, по причине нежелания общаться с Генриеттой.

Несмотря на прекрасное воспитание, выражения, которые использовала Генриетта, приводили окружающих в ужас. Бесцеремонность, своеобразие и грубость являлись неотъемлемой частью её характера. Герцог Орлеанский перепробовал все средства, чтобы изменить дурной нрав своей дочери, но все попытки заканчивались неудачами, ровно как и его настойчивое стремление выдать Генриетту замуж. К каким только ухищрениям ни прибегал герцог Орлеанский, пытаясь выдать замуж свою дочь, но все они разбивались об упрямство Генриетты. Она и слышать не желала о замужестве. И чем больше проходило времени, тем больше таяли надежды герцога выдать её замуж, но он не оставлял попыток.

Болтая ногами в воде, Генриетта не заметила своей кормилицы, которая незаметно подошла к ней и встала у неё за спиной.

– Генриетта, дитя моё, – позвала её кормилица, нарушая своим голосом окружающую тишину и одиночество Генриетты.

Генриетта, не вставая со скамейки, обернулась к пожилой женщине.

– Тётушка Жюли, – протянула Генриетта, – я не помню, чтобы звала тебя.

– Прости меня, – поспешно ответила кормилица, – твой отец послал за тобой, иначе я бы не посмела прийти сюда.

Генриетта подозрительно уставилась на кормилицу. Явно что-то происходило во дворце, иначе отец не послал бы за ней кормилицу, услугами которой пользовался в особых случаях.

– К чему такая спешка? – поинтересовалась Генриетта.

Кормилица замаялась с ответом, прекрасно понимая, какую реакцию вызовут у Генриетты её слова, но деваться было некуда, и ей пришлось ответить.

– Приехал молодой человек!

– Очередной жених?! – Генриетта произнесла эти слова так, как будто в рот попало нечто неприятное и она спешит выплюнуть это, – когда же закончатся эти дурацкие попытки выдать меня замуж?

– Герцог желает тебе добра Генриетта.

– В таком случае пусть оставит меня в покое, – резко ответила Генриетта, – не желаю выходить замуж и точка. Моё решение твёрдо. Его никто не изменит.

– Мне ли этого не знать, – с лёгкой грустью произнесла кормилица.

– Вот и отлично, – подытожила Генриетта, – передай ему, пусть сам выходит замуж, если хочет, или пусть пошлёт жениха к чёрту, на его выбор.

– Брак священен для всех людей. И для мужчин, и для женщин. Попытайся понять это и смирится.

– Вот как? – насмехаясь спросила её Генриетта, – так по твоему я должна сидеть дома, пока этот мерзкий похотливый козёл будет развлекаться с другими и, вполне возможно, на мои же деньги?

– Брак выглядит совсем иначе, – попыталась возразить кормилица, но Генриетта её перебила.

– В моих глазах он выглядит именно так. И хватит нравоучений. Занимайся своим делом и не лезь, куда не следует.

– Хорошо, миледи, – упавшим голосом покорно произнесла Жюли.

- А теперь, оставь меня, - приказала ей Генриетта.
- А как быть с приказом вашего отца?
- Похоже, вы от меня не отстанете,- разозлившись, Генриетта вскочила со скамьи и быстро пошла по направлению к дворцу.
- Терпеть не могу этого непотребного оценивающего взгляда, которым меня встречают,- пробормотала Генриетта, открывая дверь в кабинет отца.
При её появлении, молодой человек, сидящий в кресле напротив герцога Орлеанского, поднялся и отвесил ей глубокий поклон. Приседая перед ним в реверансе, Генриетта заметила жадный взгляд, который прошёлся по ней с ног до головы.
Наверняка представляет, что под моей одеждой, мерзавец, - возмущённо подумала Генриетта,- ну почему все мужчины норовят в первую очередь заглянуть под одежду. Неужели эти самодовольные индюки считают, что только у них есть душа, а женщина обладает лишь телом, единственное предназначение которого - улаживать низменные похоти мужчин?! Ну, погоди у меня!»
- Слухи о красоте вашей дочери, монсеньор, и в малейшей степени не соответствуют истине. Какие дивные голубые глаза, какие прекрасные белокурые волосы. Она сложена как богиня. Я потрясён, я уничтожен и больше всего на свете мечтаю назвать вас своей супругой! - молодой человек говорил с таким же восторгом, как и смотрел на Генриетту.
Генриетта изобразила на губах подобие улыбки.
Этот к тому же льстец - подумала она.
- Дитя моё, - мягко заговорил герцог Орлеанский, - граф, третий сын герцога Саксонского. Он прибыл по весьма важному для всех нас делу. Я прошу выслушать его со всевозможным вниманием и уважением.
- Воля ваша, отец, - смиренно ответила Генриетта.
- Правда?- герцог Орлеанский не мог скрыть облегчения, - я оставляю вас наедине, чтобы вы могли поговорить без помех.
Радостный герцог Орлеанский вышел за дверь и осторожно закрыл её за собой. Снаружи его встретила кормилица.
- Всё идёт, как нельзя лучше, - шёпотом сообщил ей герцог.
В ответ Жюли лишь покачала головой.
- Как плохо же вы знаете вашу дочь.
Тем временем молодой граф опустился перед Генриеттой на колени и протянув руку, с пафосом воскликнул:
- Я безумно люблю вас, миледи. В ваших руках моё счастье, и надежда видеть вас в качестве моей супруги!
Быстро же он влюбился - подумала Генриетта, сверху вниз наблюдая за трогательной сценой.
- Садитесь,- пригласила Генриетта, когда граф поднялся с колен
- Я стоя выслушаю свой приговор!
- Как желаете,- Генриетта уселась в кресло и продолжала, - я очень рада оказанной мне чести, вы храбрый и, безусловно, мужественный человек
- Именно так!- гордо подтвердил граф, - я вижу, вы прекрасно осведомлены обо мне.
К тому же самодовольный дурак - сделала очередной вывод Генриетта, при этом она не преминула наградить графа обворожительной улыбкой. Она продолжала вкрадчивым голосом.
- Безусловно, граф, иначе, чем объяснить ваше сватовство? Лишь очень мужественный человек мог решиться жениться на мне после всего, что произошло.
Граф непонимающим взглядом уставился на Генриетту.
- С вашего позволения, миледи, я бы хотел узнать, о чём идёт речь?
- Мой бывший супруг,- с печальным видом сообщила Генриетта, - бедняга...
- Ваш бывший супруг?

- Я вдова! Разве отец не говорил вам?
- Вдова? Нет, не говорил, - граф неприлично открыл рот от удивления.
- Как это на него похоже, - грустно продолжала Генриетта, - отец всегда пытался защитить меня.
- Почему же миледи? Вашей вины нет в смерти мужа. Все мы смертны. Рано или поздно нам придётся предстать перед господом.
- Благодарю вас! У вас доброе сердце, но, видите ли, всё дело в том, что это я убила моего мужа.
- Вы? - граф в сильнейшем смятении опустил в кресло.
- Я! Это случилось в брачную ночь. Мне не понравилось, как он целуется. Я дождалась, пока он заснёт, а потом всадила нож в спину моего супруга. Генриетта едва сдержала смех, когда увидела, с какой поспешностью граф покидал комнату. Но после его ухода она разразилась смехом, весьма довольная собой и своей выдумкой.
Веселье Генриетты было прервано появлением разъяренного герцога Орлеанского.
- Что ты ему сказала? Он уехал, даже не попрощавшись.
- Скатертью дорожка, - отозвалась Генриетта.
- Твоё поведение вынуждает меня применить наказание. Все твои сверстницы давно обзавелись детьми, а ты не только отказываешься выходить замуж, но и умудряешься выставить меня всеобщим посмешищем!
- Сами виноваты, - Генриетта пожала плечами, - не следовало присылать женихов. Я не меньше сотни раз твердила вам, что не собираюсь замуж, и меня никто не заставит.
- Твои желания меня не интересуют! - закричал герцог Орлеанский, - ты выйдешь замуж.
- Вам меня не заставить, - со спокойствием, выводящим из себя, ответила Генриетта, - следующего жениха, который появится во дворце - я убью.
- Это просто уму непостижимо!
В сильнейшем гневе герцог покинул комнату. Кормилица с одного взгляда поняла состояние герцога. Она мягко взяла его за руку.
- Генриетта никогда не изменится, монсеньор!
- Неужели мне суждено умереть, не повидав внуков? - прошептал в отчаянии герцог, - нет, нет, Жюли, я поеду к моему брату, поеду в Париж, я заставлю Генриетту выйти замуж...вели приготовить карету. Я еду в Париж.

Глава 6

На следующий день, ближе к вечеру, герцог Орлеанский, обуреваемый тяжёлыми мыслями, шёл по коридорам дворца Сен-Поль. У двери в зал аудиенций, герцог на мгновение остановился, дожидаясь, пока объявят его имя, а затем бодрым шагом вошёл в зал. Легко кивая придворным, которые отвешивали ему глубокие поклоны, герцог подошёл к восседавшему на троне королю Франции и низко поклонился.
Король Франции, мило беседующий с одной из придворных дам, благосклонно улыбнулся брату.
- Рад видеть вас в Париже, - мягко приветствовал брата король, - чему обязаны видеть вас, монсеньор?
- Я прибыл в Париж с нижайшей просьбой к вашему величеству, - герцог Орлеанский ещё раз поклонился.
- Всё что угодно, монсеньор, за исключением вмешательства в судьбу моей непослушной племянницы, - ответил под лёгкий смешок придворных король, - мне уже известно, как обращаются в Орлеане с моими гостями.
Король указал на молодого человека в зале, в котором герцог Орлеанский сразу же узнал сбежавшего жениха своей дочери.

- Сир,- ему не оставалось ничего больше, как откланяться, ибо на помощь короля он больше не надеялся. Откланявшись, герцог собрался было покинуть зал, когда дверь распахнулась, и внутрь буквально ворвался, сыпля проклятиями направо и налево, его преосвященство, епископ парижский дю Шатетлен.

- Исчадие ада! Богохульник! Порождение сатаны! Антихрист!

Король Франции с весьма удивлённым видом следил за приходом его преосвященства. Что же касается придворных, они буквально затаили дыхание в предчувствие громкого скандала, и они не ошиблись.

- Надеюсь, ваше преосвященство не меня имеет в виду?- с виду спокойно поинтересовался король.

Епископ осёкся, с изумлением глядя на короля, но через мгновение слова из него полились как из рога изобилия.

- Как ваше величество могло помыслить такое? Денно и ночью я возношу молитвы к господу о даровании моему королю здоровья и благополучия. Ваше величество является истинным сыном церкви и всем нам надлежит брать с вас пример, ибо благочестие и преданность святой церкви вашего величества известна всему христианскому миру. Папа не раз обращал наше внимание на ваши богоугодные поступки.

Король от лести епископа поморщился. Он прекрасно знал нрав его преосвященства, который мог его восхвалять его с утра до позднего вечера. Не дав королю заговорить, епископ продолжал гневным голосом.

- Я имел виду нечестивца, именуемого граф де Сансер, - едва епископ упомянул это имя, как среди придворных прокатилась волна вздохов, - этого богохульника, этого безбожника.

- Что он, на сей раз, натворил? - раздражённо спросил король,- и будьте кратки, ваше преосвященство. Время ужина. Сегодня, я ужинаю с королевой и не желал бы задерживаться.

- Ваше величество слышало о ссоре между этим нечестивцем и бароном дю Рено? - спросил епископ, приступая к изложению дела.

- Моё величество всё слышит! -ответил король.

- Следовательно, вашему величеству известно о непристойных словах графа, брошенных в лицо барону дю Рено, этому добропорядочному католику?

- При всём уважении к святой церкви, я не понимаю, каким образом слова графа задели её, - король не скрывал раздражения.

- Я прошу выслушать одного из наших братьев, ваше величество,- торжественно попросил епископ.

Король кивнул с явной неохотой. Через мгновение присутствующие увидели невысокого полного монаха, который, испуганно озираясь, входил в зал.

- Я понятия не имею, что у него спрашивать!- заявил король

- Терпение, ваше величество,- епископ строго посмотрел на монаха. - Брат Бенедикт, расскажи его величеству всё, что рассказал мне!

- Слушаюсь, ваше преосвященство! -ответил монах и дрожащим голосом начал рассказывать, оглядываясь по сторонам. Видимо, он так и не разобрался, кто в зале является королём. - Несколько дней назад в церковь пришёл молодой человек

- Это был граф Луи!- воскликнул епископ, - брат Бенедикт, рассказывайте дальше.

- Он попросил меня исповедовать его. Я...я...спешил. Барон призвал меня к баронессе, которая была больна.

- Я ничего не понимаю, - перебил священника король, - что за барон и о какой баронессе идёт речь?

- Дю Рено, ваше величество, -ответил за монаха епископ, - брат Бенедикт является исповедником баронессы.

- Вот как?- король явно заинтересовался, не говоря уже о придворных

- Продолжайте, брат Бенедикт,- епископ ободрил оробевшего монаха взглядом.

- Я пытался отказаться, но молодой человек настаивал, говорил, что его гнетёт данная им клятва. Из сострадания я согласился исповедовать его.

- Тайна исповеди священна!- заявил король, - и не смотря на то, что всем нам чрезвычайно интересно, мы не можем требовать продолжения рассказа.

- Только эта никакая не тайна,- возразил королю епископ, - ибо налицо страшный обман.

- Вот как!- повторил король, - в таком случае, мы выслушаем брата Бенедикта.

- Он сказал,- запинаясь, продолжил брат Бенедикт, - что дал клятву распить две бутылки вина со служителем церкви.

- И вы отказались? - король в упор смотрел на священника.

- Конечно, отказался... но он так просил!

- Понятно,- король незаметно для окружающих улыбнулся, - а что же было дальше?

- Дальше? -с беспокойством переспросил брат Бенедикт.

- Дальше!- повторил король

- Я не очень хорошо помню, - пробормотал брат Бенедикт,- помню, что проснулся на следующее утро, раздетым под распятием Христа.

- Я предполагал нечто подобное, - пробормотал его величество, и присутствующие заметили, что он едва сдерживается, чтобы не расхохотаться.

- Слышали? - закричал епископ, - этот нечестивец раздел его и положил под распятием, но даже этот грех несравним с тем, что он сделал после. Граф облачился в святую одежду и под видом исповедника проник в замок, где несчастный барон, ничего не подозревающий об обмане, собственноручно отвёл нечестивца в опочивальню к своей супруге. Этот нечестивец провёл более часа в опочивальне баронессе. Барон, как добрый хозяин, самолично проводил лже священника до ворот, где тот ему вручил некий предмет из одежды баронессы, не оставляющий сомнений в том, какого рода вещами занимался этот нечестивец с баронессой. Ваше величество я требую немедленного наказания графа! -воскликая, закончил свою речь епископ.

- Требуете?

- Прошу, ваше величество, - поправился епископ.

Король после короткого молчания ответил епископу непререкаемым тоном.

- Я рассмотрю все стороны этого случая и сообщу моё решение вашему преосвященству.

- Я уповаю на справедливость вашего величества, - епископ ушёл так же внезапно как и появился, прихватив с собой брата Бенедикта.

После ухода епископа, король откинулся на спинку трона и от души расхохотался. Словно ожидая этого, весь зал засмеялся вслед за королём. Смеялись все, за исключением герцога Орлеанского, который о чём-то напряжённо размышлял.

Его величеству понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя.

- Каков пройдоха,- не переставая смеяться заговорил король, - признаться честно, я ему немного завидую. Надеюсь,- король оглядел присутствующих, - никто из вас не станет передавать мои слова королеве.

- Герцог Бурбонский! - раздался возглас дворецкого.

- А!- воскликнул король, - весьма кстати.

Герцог Бурбонский с поникшей головой предстал перед королём.

- Так значит, монсеньор, вам всё известно?

- К сожалению, сир, - сокрушённо ответил герцог Бурбонский, - мне стыдно за моего племянника.

- В прошлый раз, - негромко заговорил король, - я удовлетворил вашу просьбу, но с одним неременным условием, как вы помните. Графу надлежало

избавится от дурных наклонностей.

Король встал со своего места и начал медленно прохаживаться перед герцогом Бурбонским заложив руки за спину.

– Однако, все наши попытки образумить графа не увенчались успехом, к сожалению. В данной ситуации я вижу единственный выход, – король остановился перед герцогом Бурбонским, – мы отправим графа в изгнание, ибо не можем в дальнейшем позволить ему оскорблять наш слух недостойным поведением.

– Не могу не признать справедливости решения вашего величества, – покорно согласился герцог Бурбонский.

– Вот и хорошо, – одобрительно произнёс король, – надеюсь, пятилетний срок изгнания окажет благотворное действие на графа Луиа и он сможет избавиться от своих пагубных наклонностей. Вы не возражаете монсеньор?

– Нет, сир, мой племянник полностью заслужил это наказание.

– С вашего позволения, сир, я возражаю, – раздался отчётливый голос.

Король обернулся словно ужаленный, желая знать, кто посмел ему возразить. Прямо в него упирался взгляд герцога Орлеанского.

– Вы? – поразился король, – вы заступаетесь за графа Луи? Но почему?

– Несколько слов, сир!

Герцог Орлеанский подошёл к королю, и что-то быстро зашептал на ухо.

Вначале лицо короля выражало непонимание, затем удивление, которое перешло в крайнее изумление. Как ни старался герцог Бурбонский вместе с остальными придворными подслушать разговор, у него ничего не получалось. Когда герцог Орлеанский отошёл от его величества, тот с мгновение стоял с крайне изумлённым видом, а затем разразился таким хохотом, что издавшие виды придворные невольно испугались за короля. Король, хохоча, едва дошёл до трона и буквально упал в него. Все вокруг переводили взгляд с хохочущего короля на серьёзное лицо герцога Орлеанского и терялись в догадках. Что же такого мог сказать герцог королю?

От смеха у короля выступили слёзы.

– Давно я не смеялся так весело, – король утёр платком выступившие слёзы,

– я весьма обязан вам, монсеньор, ибо вы дали мне возможность сыграть знатную шутку.

– Для меня это вовсе не шутка, сир, – подал голос герцог Орлеанский

– Знаю, знаю, – ответил король и продолжал, обращаясь к придворным. – Вам всем вероятно очень интересно, что же сказал его высочество?

– Мне очень! – не выдержал герцог Бурбонский, – ведь вопрос касается моего племянника, сир?

Король кивнул.

– Вы угадали монсеньор! Его сиятельство предложил в качестве наказания женить его на моей строптивой племяннице. В последнее время я только и слышу о графе и о моей племяннице. Сведём их друг с другом, пусть повоят между собой, а мы какое-то время проведём в относительном спокойствии.

– Он не женится, сир, – уверенно предположил герцог Бурбонский.

Король хитро улыбнулся.

– Уж не думаете ли вы, монсеньор, что ваш племянник откажется выполнить приказ короля?

Глава 7

После знаменательных событий, произошедших в замке дю Рено, Луи приехал в свой замок, предоставив управляющему вести дела, как он и делал во время своего отсутствия, Луи предался прелестям деревенской жизни, справедливо предполагая, что за его поступок он понесёт наказание. Он не сожалел о сделанном, потому что считал барона негодяем. Попытка

превращения в деревенского жителя прошла для него вполне удачно, и очень скоро он привык к этой жизни. С самого первого дня своего приезда он завёл привычку по утрам отправляться верхом к речке, протекавшей недалеко от замка. Луи присмотрел удобное место. Берег там был каменистый. Женщины из окрестных деревень использовали это место для стирки, появляясь на берегу около двух раз в неделю в силу необходимости. Первое появление незнакомого молодого человека они приняли с недоумением. Но что с ними стало когда он, ничуть не стеснясь, под взорами десятка женщин разделся донага и полез в воду купаться! Женщины бросились с криками бежать прочь от этого места, словно увидели привидение. Граф с весёлым хохотом провожал это бегство. Уже к вечеру все вокруг знали о прибытии графа и о его необычных манерах. Первоначально его поведение вызывало у женщин замешательство, но постепенно они привыкали к появлениям у реки красавца графа, и больше не убегали, когда он раздевался, скорее наоборот. Они смотрели, как струйки воды медленно стекают по обнажённому телу графа. Зрелище поистине достойное для деревенских женщин. Вскоре стирки участились, превращаясь в повседневное занятие. Женщины хорошо изучили время появления графа и с нетерпением дожидались его. Итогом всего этого стало безукоризненно чистая одежда, в которой ходили абсолютно все жители из окрестных деревень. По обыкновению, граф сперва купался сам, а затем купал своего коня, который настолько пристрастился к купанию, что входил в воду раньше своего хозяина. Конь тряс шеей и фыркал в ожидании момента, когда им займутся. После купания Луи возвращался в замок, ставил коня в стойло, следил за тем, чтобы он был хорошо накормлен, а затем шёл завтракать сам. За столом компанию ему составлял виконт де Валиньи, приехавший из Парижа вместе с Диманшем. Старый слуга по-прежнему не переставая ворчал, но дело своё знал. Одежда и оружие Луи всегда находились в безукоризненном порядке. Он же следил за приготовлением пищи, всё время надоедая поварам своими советами. Кроме него в замке находились около 15 слуг, из них три молодые женщины. Глядя на них, де Валиньи всё время многозначительно покашливал. Зная характер своего друга, он не сомневался, что вскоре все трое окажутся в его постели. Луи делал вид, что не замечает многозначительных намёков друга. После завтрака и до самого обеда граф упражнялся в поединках на шпагах, в чём неизменно одерживал верх, и стрельбе из лука, упражняясь в меткости и сноровке. После обеда сон или небольшая прогулка пешком. Более всего Луи угнетали вечера. Привычный ритм Парижской жизни выработал у него привычку постоянных действий в ночное время, опасности, приключений, любовных походов: всё то, без чего он не мог существовать. В деревне, вдалеке от Парижа, он был лишён всего этого и принуждён был мириться с подобным положением дел. Очередной день в замке начался для Луи не совсем приятно. Прибыв к реке, он обнаружил, что там никого нет. Купание стало для него единственным развлечением. Ему нравилось, как смотрят на него женщины. Ему доставляло удовольствие следить за красными от смущения деревенскими лицами. Вздыхнув, Луи разделся и полез в воду. Конь по обыкновению пошёл вслед за ним и ткнул его мордой в спину.

– Дождись своей очереди, – назидательно обратился к коню Луи. Оставив коня, он широкими гребками поплыл, рассекая воду. До противоположного берега было совсем недалеко. Луи добрался до него и сразу же пустился в обратный путь. Не доплыв до места, где стоял конь, он перевернулся на спину и позволил течению нести своё тело. Ничего не действовало на него так благотворно, как утреннее купание. Почувствовав, что тело совершенно расслабилось, Луи поплыл к берегу. Он подплыл к коню. Нашупав ногами землю, Луи поднялся и занялся конём. Пока Луи купал коня, тот всё время ржал.

- Помолчи,- прикрикнул на него граф. Но конь и не собирался его слушать.
- Ах так,- Луи окунул морду коня в воду. Конь начал громко фыркать, крутя головой во все стороны. По-видимому, в ноздри попала вода, и он никак не мог от неё освободиться.

- Так тебе и надо,- засмеялся Луи и тут же получил толчок в грудь. Не удержав равновесия, он свалился в воду. Вынырнув, Луи легонько стукнул своего коня, но тут его внимание привлекло мелькнувшее недалеко пёстрое платье. Присмотревшись, Луи заметил девушку, которая, спрятавшись за валуном, следила за его движениями. Оставаясь в воде, граф поманил девушку пальцем. Понимая, что её застали на месте преступления, девушка вышла из-за валуна и с виноватым видом подошла к кромке воды, напротив того места, где стоял Луи.

Луи опытным взглядом определил стройные очертания её тела. Да и лицо было миловидным. Луи не сомневался, что по одному его слову девушка сделает всё что угодно. Он почувствовал прилив желания.

- Хочешь искупаться?

От его слов щёки девушки вспыхнули огнём. Сбросив обувь, она медленно вошла в воду, при этом она не сводила заворожённого взгляда с Луи. Луи легко засмеялся.

- Может лучше оставить одежду на берегу?

Девушка послушно выбралась из воды, сбросила одежду и, обнажённая, вошла снова в воду. Луи не сводил взгляда с набухающих сосков, которые покрылись гусиной кожей. Луи протянул руки навстречу девушке. Она вложила свои руки в его руки, и вслед за этим, Луи притянул её к себе.

- Я нравлюсь тебе? - негромко спросил у неё Луи

- Очень,- призналась она.

- Обними меня!

Девушка с лёгким вздохом обвила руками шею Луи, прижимая набухшие соски к его груди.

- А теперь следует попробовать вкус твоих губ,- Луи мягко прижался к её губам. Его рука опустилась на бедро девушки.

- Ах!- вырвалось у девушки.

Это восклицание подстегнуло желание Луи. Он подхватил девушку за ноги и одним движением вошёл в неё. Глядя в её затуманенные страстью глаза, Луи начал двигаться, время от времени ускоряя свои движения.

Он снова прижался к её губам и, оторвавшись, прохрипел:

- У тебя губы сладки, словно мёд!

Девушка изо всех сил обнимала Луи.

- Луи! - раздался недалеко голос виконта де Валиньи.

- Чтоб тебе провалится в преисподнюю, Антуан, - вырвалось у Луи, он ускорил движения. Долгожданное освобождение наступило, как только на берегу показалась фигура де Валиньи.

- Так я и думал!- раздался вновь его голос.

Луи нежно поцеловал девушку в губы.

- Мне с тобой было очень хорошо!

- Вы говорите правду, монсеньор?- девушка и не пыталась скрыть свою наготу от виконта де Валиньи. Её полный надежды взгляд был устремлён на Луи.

- Называй меня просто Луи! Кстати, я даже не спросил твоего имени.

- Катерина, господин!

- Луи!

- Я уверен, мы обязательно встретимся ещё раз,- пообещал Луи, - и тогда мы с тобой в полной мере насладимся любовью.

- Я буду ждать моего господина!

Оставив Катерину в воде, Луи вышел, торопливо оделся и уже усаживаясь в седло, спросил у де Валиньи.

- Что случилось?
- Гонец из Парижа! - коротко сообщил де Валиньи.
- Гони его в шею!
- Он не один! С ним стража, - де Валиньи с глубоким сочувствием посмотрел на друга и закончил, - тебя хочет видеть король!
- Я ждал этого, - спокойно произнёс Луи, - ну что ж, Париж, так Париж, - он прищипнул коня.

Глава 8

В сопровождении королевской стражи, Луи вели по коридору королевского дворца. Чего он не понимал, так это странных взглядов и хихиканья придворных, попадавших по пути следования маленького кортежа. Он не сомневался, что его ждёт наказание. Скорее всего, изгнание, потому что оно являлось излюбленным методом наказания короля. Хотя могло быть намного хуже. Луи чувствовал полное безразличие к предстоящему наказанию. Он не жалел о содеянном, и уж точно не собирался обращаться за помощью к своему дядюшке. Больше того, он решил, что в случае, если дядюшка заступится за него, он откажется от помощи. Таким образом, размышляя, он очутился у дверей личного кабинета короля. Один из личной охраны короля провёл его через приёмную, открыл дверь, ведущую в кабинет короля и пропустив Луи, затворил её за ним. Первое, что обнаружил с удивлением Луи, были герцог Бурбонский и герцог Орлеанский, стоявшие рядом с королём Франции, который сидел за столом и что-то писал.

При виде вошедшего Луи, король оторвался от своего занятия и устремил на Луи нахмуренный взгляд.

- Ваше величество! - Луи поклонился королю, - монсеньоры! - он по очереди отвесил поклоны двум герцогам и, выпрямившись, стал ожидать, когда заговорит король.

- По вашему виду не скажешь, что вы раскаиваетесь в содеянном!

- Мне не в чем раскаиваться, сир! - спокойно ответил Луи.

Король недоумённо приподнял брови.

- Вот как? Может, вас оклеветали, граф? Может вы не переодевались в рясу священника и не пробирались в покои баронессы дю Рено? Вы обесчестили баронессу, сделали посмешищем барона. Неужели всё это ложь?

- Правда, сир!

- Правда? - переспросил король, - и тем не менее, вы имеете наглость заявлять, что не раскаиваетесь в содеянном?

- Именно так, сир, - не теряя хладнокровия, подтвердил Луи,

- Возможно, у вас были причины ненавидеть барона? Если так - я выслушаю их!

- Я считаю, что дю Рено получил по заслугам, но оправдываться за свой поступок не собираюсь. Я приму любое наказание, которое сочтёт назначить ваше величество.

Спокойствие графа поражало короля.

- Да он ничего не боится, - внезапно понял король.

- За свой поступок вы, граф, заслуживаете самого строго наказания и осуждения, однако, - король сделал паузу, а затем продолжал, - принимая во внимание просьбу герцога Орлеанского, мы решили заменить изгнание более мягким наказанием.

С чего это он вздумал защищать меня? - с недоумением думал Луи. Почему-то его покинуло привычное спокойствие и охватило волнение.

- Прежде чем я оглашу ваше наказание, вы не хотите высказать какую-либо просьбу? - спросил у Луи король.

- Нет, сир, - твёрдо повторил Луи, - я приму любое наказание.

- Так тому и быть, - король встал со своего места, - повелеваю вам, граф Луи, взять в жёны мою возлюбленную племянницу- Генриетту!

В яблочко! - подумал с некоторым злорадством король, увидев как бледнеет граф Луи.

Он обменялся взглядами с герцогом Бурбонским и Орлеанским.

Луи перехватил эти взгляды и хотя и не понял их значения, осознал, что против него затеяна какая-то игра, в которой замешаны все трое находящиеся в кабинете. Его мозг лихорадочно рассуждал, ища выход из создавшейся ситуации. А глаза следили за противниками.

Они знают, что мне ненавистен брак и ждут от меня возражений, - понял Луи.

- Ну что же, я не знаю, какую игру вы затеяли, однако...

- Благодарю от души, ваше величество!

Никто не ожидал от него слов, подобных тем, что он произнёс, и меньше всего герцог Бурбонский, у которого буквально отвисла челюсть.

- Так вы согласны жениться? - уточнил король.

- Если вы спрашиваете моего мнения, то - нет, - ответил Луи, - если вы приказываете - у меня не остаётся выбора, сир!

- Я приказываю, - довольный собой ответил король. - И искренне сочувствую вам, но вы должны будете жениться, - в голосе короля не было и намёка на сочувствие.

Неожиданно для всех Луи улыбнулся. В голову пришла спасительная мысль.

- Сир, а как быть в случае, если ваша племянница не захочет выходить за меня замуж?

Теперь побледнел герцог Орлеанский. Он с мольбой посмотрел на короля, тот ответил успокаивающим взглядом.

- С вашими несомненными талантами это вряд ли случится.

Уловив неуверенные нотки в голосе короля, Луи сразу же понял, что избрал правильный путь. Чтобы закрепить маленькую победу, он бросился в атаку.

- И всё же сир? Как мне быть в случае, если мне откажут?

- Гм...гм, в вашем вопросе, граф, кроется подвох!

- Отнюдь, сир, - возразил Луи, - я лишь хочу знать, как мне поступить в случае отказа.

- Полагаю, - после некоторого молчания ответил король, - что в случае отказа моей племянницы, мы освободим вас от наказания.

- Благодарю вас, сир! - Луи не мог скрыть своей радости.

- Однако, - король поднял кверху палец, - с одним непременным условием. Вы в течении одного месяца будете находиться рядом с Генриеттой, вы, граф, приложите все усилия для того, чтобы Генриетта согласилась стать вашей супругой. Наказание будет отменено только в том случае, если по истечению срока вы предъявите неопровержимые доказательства своей настойчивости. Я лично приеду в Орлеан, убедится в тщетности ваших усилий. Поэтому, не советую предпринимать какие-либо действия против вашего предстоящего брака.

- Сир! - Луи поклонился

- И помните граф, я буду постоянно следить за вами! Можете идти. Вам надлежит в течение недели прибыть в Орлеан.

- Слушаюсь, сир! - откланявшись, Луи покинул кабинет.

Выйдя в коридор, он сразу же столкнулся с виконтом де Валиньи, весь вид которого изображал вопрос.

- Плохо, - коротко бросил мрачно Луи.

- Изгнание?

Не отвечая, Луи зашагал прочь от де Валиньи. Над ухом Валиньи прозвучал женский голос:

- Ваш друг женится, виконт!

Тем временем, довольный прошедшим разговором, король вёл оживлённую беседу с двумя герцогами, бурно обсуждая возможные последствия предстоящего союза.

- Я пошлю своего человека в Орлеан, - говорил король, - он будет сообщать мне даже самые незначительные детали происходящего.

- Она откажет ему! - вздыхал герцог Орлеанский.

- Он не женится! - вторил ему герцог Бурбонский.

Подвёл итог король.

- Сражение началось, монсеньоры, и нам остаётся лишь следить за тем, кто выиграет первую битву.

- Генриетта!

- Луи!

- Пари? - предложил герцог Орлеанский.

В ответ герцог Бурбонский насмешливо улыбнулся.

- Любое! И примите совет друга - отдайте деньги сразу!

Глава 9

Ровно через неделю после описанных событий, Генриетта, пребывавшая в прекрасном расположении духа, облачилась в охотничий костюм и, взяв стрелы и арбалет, спустилась во двор. Там её уже ожидали двое слуг с корзинами, полными яблок. Генриетта отмерила десять шагов от места, где стояли слуги и, натянув тетиву, подала знак. Слуга по её знаку подбросил яблоко в воздух, Генриетта метнула в неё стрелу. Стрела пролетела слишком далеко от цели.

- Олух! - вне себя закричала Генриетта, - подбрасывай выше.

Следующее яблоко взмыло высоко вверх, но Генриетта опять не попала.

- Неужели вокруг меня одни болваны? - в сердцах высказалась Генриетта.

Две горничные протирали окна второго этажа и внимательно сверху следили за действиями своей хозяйки.

- Олух? - повторили одна из них, - да откуда бедняга может знать, где пролетит стрела?

- Ей ничем не угодишь, - вздохнула вторая. - Настоящая ведьма, прости меня, господи, за грешные слова.

Генриетта продолжала кричать на слуг, так как ей ни разу не удалось поразить цель, впрочем, как и за все последние месяцы.

- Ровнее бросайте, идиоты! - кричала она, вновь натягивая тетиву.

Возле неё раздалось деликатное покашливание.

Опустив арбалет, Генриетта с неудовольствием посмотрела на управляющего - Журдена. Журден, седовласый мужчина преклонного возраста с едва заметным брюшком, был опрятно одет в скромную одежду. Его морщинистое лицо, выражало глубокое почтение. Журден встал, в нескольких шагах от герцогини и согнувшись в поклоне, ожидал, когда она заговорит с ним.

- Чего тебе?

- Прошу прощения, миледи, я не осмелился бы вас побеспокоить, но пришло письмо от герцога Орлеанского. В нём он просит известить вас о приезде графа Луи.

- Какого чёрта ему надо? - Генриетта метнула очередную стрелу.

- То же, что и всем остальным, - вырвалось у управляющего.

- Жених?! - догадалась Генриетта, - пусть приезжает. Я ему окажу такой приём, что его не забудет ни он, ни мой отец. Шевелитесь, лентяи! - прикрикнула Генриетта застывшим слугам.

Спохватившись, они снова начали подбрасывать в воздух яблоки. Метнув безрезультатно ещё две стрелы, Генриетта отшвырнула от себя арбалет и

вошла во дворец. Поднимаясь на второй этаж, Генриетта услышала заливистый смех и уловила имя Луи. Притаившись на лестнице, она прислушалась. До неё донеслись женские голоса. Один из них говорил:

– Этот тот самый граф Луи, который переоделся священником и под самым носом барона дю Рено переспал с его женой, говорят, он писанный красавец. Все женщины в Париже мечтают заполучить его к себе в постель.

В голове Генриетты замелькали обрывки ранее услышанных разговоров.

Луи! – только сейчас она вспомнила истории про всемирно известного во Франции распутника, который не гнушался ни чем, лишь бы затащить в постель очередную любовницу. Генриетта не могла поверить, что отец выбрал для неё такого жениха.

– А я слышала, что все мужья в Париже держат своих жён под замком, но граф всё равно пробирается к ним, – говорил второй голос.

– Я и сама не прочь попробовать графа, – захихикал первый голос, – говорят, перед ним ни одна женщина не может устоять!

– Эта ведьма устоит!

– А я слышала, что граф приручал и не таких злючек!

– Вот было бы интересно посмотреть, как наша миледи встанет перед ним на четвереньки и будет ластиться, словно собачонка.

Не в силах более сдерживаться, Генриетта бросилась наверх.

– Прочь, мерзкие склочницы, – Генриетта схватила обоих горничных за волосы и, потянув к лестнице, столкнула их вниз. Горничные едва удержались на ногах и сразу же испуганно бросились прочь от разъяренной Генриетты.

– Мерзавец, – в ярости бормотала Генриетта, подразумевая графа Луиа, – даже духа твоего мерзкого не будет в моём доме.

Генриетта стремительно выбежала во двор и громко позвала Журдена. Когда тот появился, Генриетта непререкаемым тоном приказала:

– Запереть ворота! Ни в коем случае ни впускать графа во дворец!

Журден растерянно заморгал.

– Но миледи, монсеньор приказал встретить графа со всеми почестями!

– Мне глубоко наплевать на его приказы! – закричала вне себя Генриетта, она стояла спиной к воротам и не замечала, как во двор медленно въехали два всадника, – вы не впускайте его во дворец, я так желаю. И ещё, Журден, как только граф Луи подъедет к воротам, вы спустите на него псов, чтобы он побежал, как побитая собака, поджав хвост. Не выполните мой приказ – я сама их спущу, но только на вас! – пригрозила Генриетта.

– Полагаю, вы меня имеете в виду? – раздался за спиной Генриетты спокойный голос.

Она обернулась как ужаленная и с ненавистью устремила взгляд на всадника, которой взирал на неё с откровенным неудовольствием.

– Если вы и есть граф Луи, то именно вас!

На лице Луи отразилось недоумение. Он не понимал, кто эта девица, встретившая его с таким отчуждением, как и не понимал того, почему она смотрит на него с такой ненавистью. Он проделал длинный путь и хотел больше всего отдохнуть, однако пришлось ответить этой дерзкой девчонке, не мог же он оставить её слова без внимания.

– Сударыня, вы отдаёте себе отчёт, что оскорбили меня?

– Если вы немедленно не уберётесь отсюда, я не ограничусь одними оскорблениями, – пригрозила ему Генриетта.

Луи неторопливо спешил и подошёл вплотную к Генриетте.

– Клянусь честью, сударыня, подобного приёма... – начал было Луи, но Генриетта резко его перебила.

– Не клянитесь тем, что у вас нет. Для вас же будет лучше, если уберётесь.

- Вот наглая девица,- Луи охватывало давно забытое раздражение, - будь вы мужчина давно бы лежали мёртвым, а поскольку вы женщина...

- Я сумею должным образом проучить вас, жалкий хвостун!

- Перестанете вы, наконец, оскорблять меня? - разозлился Луи, - поверьте, сударыня, моё терпение не безгранично.

- Моё тоже! - резко ответила Генриетта, - последний раз говорю тебе, мерзкий граф. Вон отсюда! Пошёл прочь!

Не меньше полусотни глаз следили за этой ссорой. Слуги, забросив все дела, притаились в укромных уголках и следили за развитием событий. Де Валиньи с открытым ртом наблюдал за разъяренной красавицей. Впервые он видел, что женщина разговаривает с его другом подобным образом. Огромным усилием воли Луи подавил вырывающую злость. Он осознавал, что силы неравны, поэтому выбрал единственное правильное решение. Он отвернулся от Генриетты и пошёл в сторону Журдена, не забыв бросить презрительный взгляд на Генриетту.

- Убирайся отсюда, я тебе говорю, мерзкий похотливый козёл! - закричала в бешенстве Генриетта.

Луи подошёл к Журдену и обратился таким спокойным голосом, словно оскорбляли в эту минуту не его, а совершенно другого человека.

- Герцог Орлеанский должен был известить о моём приезде, я хотел бы увидеть свои покои..

- Твои покои в свинарнике, - раздался голос Генриетты, - там тебе отвели отдельное стойло.

Луи снова повернулся лицом к Генриетте.

- Сударыня, вы играете с огнём! - предупредил он с весьма мрачным видом.

- Не пытайся меня запугать, ничтожество,- презрительно бросила ему в лицо Генриетта.

- Сколько можно терпеть эти оскорбления? - Луи обращался с этим вопросом к самому себе.

- Уберись ты наконец отсюда? - в бешенстве закричала Генриетта, или мне спустить на тебя псов? Прочь из моего дома мерзкий блудливый козёл, мерзавец, подлый развратник, ничтожный себялюбивый козёл. Грязная, вонючая свинья.

После последних слов Генриетты наступила на мгновение тишина. Луи стал чернее тучи. Медленными шагами он приблизился к Генриетте. Генриетта встретила его приход презрительным взглядом.

Не раздумывая, Луи хлестнул рукой по щеке Генриетте. Все вокруг ахнули. Генриетта не могла поверить, что её ударили.

- Ты ничтожный..

Последовала вторая пощёчина.

- Я тебя убью..

Генриетта получила третью пощёчину и попятилась назад от Луи.

- Пощёчина за каждое сказанное тобой слово! - мрачно предупредил Луи.

Генриетта закусив губу от боли и отчаяния, с полыхающей ненавистью в глазах смотрела на своего обидчика. В груди всё клокотало. Она хотела унижить его, уничтожить, растоптать, но решимость Генриетты куда-то подевалась, ибо она ясно осознавала, стоявший перед ней человек, несомненно, выполнит свою угрозу. Генриетта отступила. Впервые в своей жизни.

- Надеюсь, урок усвоен, иначе мне придётся повторить его, - грозно предупредил её Луи. - А теперь, пошла прочь с моих глаз.

Кинув на него испепеляющий взгляд, Генриетта бросилась во дворец. Едва она скрылась за дверью, как за спиной Луи раздался хохот. Он угрюмо посмотрел на развеселившегося Де Валиньи.

- Право, незабываемое зрелище, граф Луи избивает беззащитную женщину. До сих пор все женщины таяли от одного твоего взгляда!

- Да её убить мало,- с нескрываемым гневом в голосе ответил Луи, - настоящая фурия. Я за всю свою жизнь не слышал и половины оскорблений, которыми она меня наградила. Узнать бы кто эта девица... Если бы Луи осмотрелся вокруг себя, он без сомнения бы увидел десятки восторженных взглядов направленных в его сторону. Даже конюхи, перестали мыть лошадей и с открытыми ртами смотрели на него. Что касается Журдена, в непосредственной близости от которого произошли все эти события, он буквально сиял от счастья. Его взгляд и весь облик, был полон неподдельного восхищения. Выждав слетка, чтобы мешать разговору графа с виконтом де Валиньи, Журден обратился к столь желанному гостю.

- Прошу прощения, монсеньор,- в голосе Журдена слышалось безграничное уважение, - я покажу ваши покои.

- Отлично, мой друг,- отозвался Луи, - ведите, мы следуем за вами. Да, и будьте любезны, пошлите кого-нибудь к миледи, чтоб сообщили о моём приезде.

Журден всего-то и смог, что издать булькающий звук.

Глава 10

Ты заметил?- де Валиньи толкнул Луи в плечо.

Луи кивнул. Это место не внушало ему доверие. Вначале, эта девица, а теперь слуги, которые останавливались и как-то странно поглядывали на него.

Сплошная загадка,- подумал Луи, - куда же меня отправил его величество? Вместо того чтобы напропалую гулять последнюю неделю, ему, наверное, стоило побольше разузнать об обитателях этого дворца и его хозяйке. Сделай он это...

- Монсеньор. Мы прибыли!

Луи с де Валиньи разместились в двух соседних комнатах на третьем этаже. Комнаты хотя и были небольшие, но сияли чистотой и убранством. В середине стоял круглый стол с двумя креслами. На столе подсвечник с резной ножкой. Слева кровать и подобие маленькой тумбы. Бегло осмотрев всё, Луи отворил единственное окно в комнате. Ему на глаза попался роскошный сад, который находился слева от его окна. Ему даже показалось, что он почувствовал благоухание цветов в саду. Луи невольно задержал взгляд, рассматривая сад.

- Миледи никому не позволяет бывать в саду!

Луи обернулся к Журдену и спросил:

- Надеюсь, для меня она сделает исключение?

- Раньше, монсеньор, на такой вопрос я бы с уверенностью ответил, что миледи ни для кого не делает исключений, но сейчас, я почти не сомневаюсь в том, что вы будете пользоваться особыми правами.

Слова Журдена неприятно подействовали на Луи.

Он не сомневается, что миледи выйдет за меня замуж,- сделал для себя не очень утешительный вывод Луи. - Однако рано сдаваться, битва ещё впереди.

- Кстати о миледи. Вы не сочтёте за труд передать ей мою просьбу?

- Всё, что угодно, монсеньор!

- Я хочу поговорить с моей будущей невестой и, если возможно, сегодня!

Журден поклонился Луи.

- Я немедленно передам миледи вашу просьбу. В два часа у нас обед, но если вас не устраивает время...

- Вполне устраивает, - отозвался Луи

- Хорошо,- Журден взялся за ручку двери, - монсеньор, вы не представляете, как все мы рады вашему приезду. Луи подозрительно прищурился, провожая взглядом Журдена. С чего бы это, - беспокойно подумал Луи, - возможно, им жаль её. А если я прав, следовательно, у неё есть недостатки. Возможно, физические недостатки? Нет, нет, не может быть - Луи погнал эту мысль от себя, но она почему-то отложилась в его голове.

Оставшись один, Луи радостно потер руки. У него появлялись друзья, а значит, дело, которое он задумал, становилось гораздо проще воплотить в жизнь. Сбросив сапоги, Луи с наслаждением растянулся на кровати. Он стал размышлять о предстоящей встрече со своей будущей невестой. Самое важное, - думал Луи, - произвести плохое впечатление на нее. Понять, что ей не нравится и делать именно это. Возможно, ему удастся сделать так, что она отвергнет его. Во всяком случае, он на это надеялся.

- О чем думаешь? - спросил вошедший де Валиньи. Он бесцеремонно уселся в кресло и закинув ногу на ногу устремил вопросительный взгляд на друга.

- Размышляю над тем, как с первой встречи создать дурное впечатление о себе.

- Бедняга! - рассмеялся де Валиньи.

- Перестань смеяться! - раздраженно бросил Луи, - ты здесь затем, чтобы помочь. Распускай обо мне гнусные слухи по мере своих возможностей.

- Боюсь, они и без моей помощи все знают. Вряд ли я смогу добавить что-то новое!

Возникло молчание, которое нарушил Луи.

- Думаешь, я смогу отвертеться от брака?

- Возможно! Если твоя невеста хоть немного похожа на ту девицу, которую ты повстречал.

- Не напоминай о ней! - Луи поморщился.

- А мне она понравилась, - заявил де Валиньи, - она необыкновенно хороша, даже в Париже я не встречал таких красоток.

- Я тоже, - не скрывая иронии, вставил Луи, - воистину редкое создание. Один язычок чего стоит.

Они продолжили разговаривать, время от времени возникала легкая перепалка.

Ровно через час после своего ухода, Журден вновь появился в комнате. Журден пригласил их на обед, а заодно сообщил, что миледи также будет присутствовать на обеде. Наступил решительный момент. Луи и де Валиньи последовали за Журденом в столовую. По пути Валиньи передумал обедать и вернулся обратно в комнату. Он решил, что будет благоразумно не мешать первой встречи Луи с невестой.

На длинном столе лежало три прибора. Один Журден просил убрать. Миледи отсутствовала. Луи уселся на стул и попросил подавать обед. Через минуту перед ним стояла благоухающая тарелка с супом. Луи почувствовал, что сильно проголодался. Он без промедления принялся за пищу. Он провёл в столовой около четверти часа. Произошла смена блюда.

В столовую вошла женщина в черном платье. Лицо было закрыто вуалью. Луи мгновенно оценил взглядом знатока стройные контуры женского тела.

А неплохо бы с ней размяться в постели, - подумал было Луи, но тут же одёрнул себя, - ты что не в своём уме? Тогда уж точно придётся на ней жениться. Ну нет, с кем угодно... только не с этой девицей. Хотя надо признаться, что опасение по поводу её физических недостатков ...были совсем напрасными. Король не так плохо ко мне относится, как я полагал. Последняя мысль принесла некоторое успокоение в душу Луи. Однако, время идёт, а он всё ещё не заговорил со своей будущей невестой. Тьфу... слово то какое отвратительное.

Луи толкнул стоявшего рядом Журдена.

- Это она?

Журден кивнул головой.

- Миледи, - изобразив радостный вид, но не вставая со своего места, приветствовал Луи будущую невесту, - счастлив познакомиться с вами. Прошу вас, садитесь, - он указал на стул рядом с собой.

Генриетта встала напротив него, возле стола. Из под вуали она внимательно следила за бесцеремонным поведением графа. Наглость графа, ровно как и явное неуважение, бесило Генриетту едва ли не больше полученных пощёчин.

- Благодарю за приглашение, - не скрывая сарказма ответила Генриетта, - но я привыкла есть стоя.

Казалось, этого мерзавца ничто не могло смутить.

Луи пожал плечами.

- Вы уж простите миледи, я привык обедать сидя! - Луи с видимым удовольствием переключил внимание с Генриетты на лежавшую перед ним пищу. Не оставалось и малейшего сомнения в том, что для него предпочтительней в данную минуту. Однако, чуть позже, он вновь устремил на неё притворно радостный взгляд и обратился с вопросом к Генриетте.

- Позвольте спросить, миледи, у вас траур?

- Нет, граф, причины совсем иные!

Граф Луи отодвинул тарелку с остатками пищи от себя..

- С вашего позволения, миледи, я бы хотел приступить к официальным ухаживаниям. Для вас не секрет, что герцог Орлеанский, ваш батюшка, одобрил мое стремление стать вашим супругом. Надеюсь вы будете столь благосклонны ко мне, сколь был ваш отец, - Луи лгал свободно, не чувствуя угрызений совести.

- Любезный граф, - послышался печальный голос из под вуали, - с вашей стороны так благородно жениться на мне, зная о страшной трагедии которая меня постигла.

- Трагедии? - переспросил Луи, чувствуя смутное беспокойство. - Что вы подразумеваете под этим словом миледи?

- Оспу, граф! Надеюсь, отец сообщил вам, что я переболела этой страшной болезнью? Он не скрыл от вас, что после болезни у меня на лице и на всем теле остались глубокие следы?

Я пропал! - с отчаянием подумал Луи, - вот какую подлость задумал король?! Какой бы она не была дурой, от брака ни за что не откажется. Вряд ли ей выпадет еще один шанс. Я знал, знал, я чувствовал, что у неё есть недостатки... но такие? Будь всё проклято! Будь проклят мой дядюшка! Что мне делать? Что? Я должен немедленно что то предпринять... немедленно, иначе...ему придётся жениться на этой, этой...он даже слова подходящего найти не может..... Проклятье, мне придется жениться на уродине!

Генриетта наблюдала за Луи так, как коршун обычно наблюдает за своей будущей добычей. Она надеялась, очень надеялась, что её игра останется незамеченной. И уповала на то, что её слова достигнут намеченной цели. В эти несколько мгновений, после нанесения ею нацеленного удара Генриетта ощущала напряжение во всём теле. Но оно начало уходить, как только она заметила перемены на лице графа. Лицо графа стало меняться. Улыбка пропала. На щеках появилась лёгкая бледность. Взгляд помрачнел. Аппетит, по всей видимости, вообще пропал. Граф, перестал есть, хотя по-прежнему ковырял ложкой в тарелке. Граф продолжал меняться на глазах. Вскоре, Генриетта увидела, что он совершенно расстроился. Каждая подобная перемена в графе, проливалась целебным бальзамом на душу Генриетты. Поглощённая наблюдением за графом, она не замечала взгляда своего слуги. Журден смотрел на неё, едва ли не с ненавистью. Затем, он бросал ободряющий взгляд на графа Луи, словно пытаясь сказать ему:

- Пожалуйста не сдавайтесь. Мы рядом с вами. Мы поможем вам, только не сдавайтесь.

Граф Луи поднялся. Выглядел он совершенно мрачным и расстроенным. Генриетта злорадствовала. Посмел поднять на неё руку? Посмел унижить её при слугах? Так получите счёт господин граф! И это всего лишь начало плана возмездия. Если ты только посмеешь остаться здесь, во дворце – я уничтожу тебя. И никто, ничто тебя не спасёт. Но ты не посмеешь! – Генриетта проводила выходящего графа молчаливым, полным злорадства взглядом. Её счастье, что графу невозможно было заглянуть под вуаль. – Вы покидаете меня граф? – Генриетта остановила его притворно жалобным голосом.

Граф Луи на мгновение остановился и не глядя на Генриетту, выдавил из себя.

– Мне, мне необходимо уехать. Рад был... познакомиться миледи!

Граф Луи поспешно покинул столовую. После его ухода, Генриетта пришедшая в прекрасное расположение духа, обратилась резким повелительным голосом к Диманшу.

– Принесёшь поесть в мою комнату. И ещё..., после того как этот мерзавец уберётся из дворца, а я уверена, что это произойдёт с минуты на минуту – мы с тобой побеседуем на тему, каким должен быть слуга в моём доме? И кого он должен слушать? Кому служить? А ещё лучше – продолжала Генриетта с жёсткой интонацией в голосе, если ты начнёшь подыскивать себе другое место.

Диманш склонил голову перед Генриеттой.

– Хорошо миледи!

Не забыв бросить презрительно надменный взгляд на слугу, Генриетта покинула столовую и поднялась к себе. В столовую тут же ворвались несколько служанок и закидали Диманша вопросами. Облик Диманша, почти в точности соответствовал облику графа, когда тот покидал столовую. На все вопросы, он коротко ответил:

– Граф уезжает. Я тоже!

Это новость, вскоре облетела весь дворец. Воспарявшие было духом слуги после приезда графа, снова впали в уныние. Ничего не менялось. Эта ведьма снова, в который раз взяла вверх.

Виконт де Валиньи, от которого укрылось происшествие в столовой, спускался по лестнице, собираясь выйти во двор. По дороге в холл дворца, он высматривал фигуру своего друга. Но Луи, по всей видимости, всё ещё находился в столовой и беседовал со своей будущей супругой.

Де Валиньи вздохнул вначале, а потом широко улыбнулся. Он, несомненно сочувствовал своему другу, прекрасно зная его ненависть к такому тонкому понятию, как «брак». Но не мог сдержать улыбку, представив себе Луи пытающего произвести дурное впечатление на герцогиню Орлеанскую.

У подножья лестницы, он едва не споткнулся об одного из слуг. Слуга, стоя на коленях вытирал статую молодой девушки выполненной в Римском стиле. Точно такая же статуя стояла с другой стороны лестницы. Статуи, красиво вписывались в архитектурный стиль дворца. Обе, как бы давали начало широкой лестницы и в то же время, приглашали пройти наверх. Валиньи сделал последний вывод исходя из позы статуи. Правая и соответственно левая рука статуй были направлены в сторону лестницы.

Де Валиньи обошёл слугу. При этом, его удивило выражение лица последнего. Он был донельзя расстроен.

Наверное, попало от хозяев – подумал было Валиньи, но тут увидел двух служанок несущих постельное бельё. Они прошли мимо него с точно такими же расстроенными лицами. И уже у входа в столовую, он увидел Журдена. Тот выглядел ещё более расстроенным.

Виконту де Валиньи оставалось только поражаться. Настолько изменилось поведение и облик дворцовой прислуги за те несколько часов, что они

провели здесь. Вначале, любопытные и явно весёлые. Сейчас, замкнутые и расстроенные.

Да что, чёрт побери происходит в этом дворце? – де Валиньи был крайне заинтригован происходящим. Но не стал размышлять на эту тему, а остановил Журдена и спросил:

– Любезный, вы случайно не видели моего друга, графа Луи!

– Он уехал ваша светлость!

Отвечая на этот вопрос, Журден ещё больше помрачнел.

– Уехал? – словно эхо повторил де Валиньи, – странно, что он меня не предупредил. А вы не знаете, куда именно отправился граф, любезный?

– По всей вероятности домой!

Виконт де Валиньи, услышав эти слова, расхохотался.

– Ну уж нет любезный. Это единственное место, куда граф наверняка не отправится. В ближайший месяц, по крайней мере. Наверняка, он находится в одной из харчевен. Исходя из этих соображений, я бы попросил вас любезный, подсказать – есть ли приличное для дворянина местечко поблизости от дворца?

Журден с некоторым удивлением слушал речь виконта де Валиньи. Едва тот закончил, как Журден с непоколебимой уверенностью ответил.

– Ваша светлость заблуждается. Граф покинул дворец. Он уехал из Орлеана. Я уверен в этом.

– Уверены? Вот как? – виконт де Валиньи явно наслаждался заблуждением этого человека. Он знал Луи более пяти лет и тем не менее, никогда бы не смог с уверенностью предположить, что тот собирается сделать в следующую минуту.

– Да ваша светлость!

– И почему же интересно, вы решили, что граф покинул Орлеан? – поинтересовался де Валиньи, не переставая при этом насмешливо улыбаться. Журден опустил голову и негромко ответил:

– Произошли неприятности ваша светлость. Эти неприятности расстроили монсеньора. Вот он и покинул нас.

Де Валиньи перестал насмешливо улыбаться. До него наконец дошло, почему все обитатели дворца так опечалены. Они считают, что Луи покинул их. В который раз, де Валиньи поражало впечатление, которое производил его друг на окружающих. Всего несколько часов прошло, а все обитатели дворца едва ли не влюблены в него. Он мягко похлопал Журдена по плечу.

– Не берите в голову любезный. Луи наверняка развлекается в какой ни будь таверне. Он никуда не уехал. Я в этом уверен. А по поводу неприятностей... не знаю, что здесь произошло, но вряд ли они сравнимы с другими...хм... заботами моего друга.

Журден начал понемногу оживать. Его взгляд был устремлён на виконта де Валиньи. Последний видел, что Журден и понятия не имеет о том, кого называет «монсеньором». Настал момент, который, несомненно, можно было использовать для облегчения участи Луи. И как истинный друг, де Валиньи не преминул воспользоваться им.

– Судите сами любезный – с некоторой напускной грустью заговорил де Валиньи, графа ненавидит король. Его ненавидит церковь. Несколько нотаблей. Мужья, с жёнами которых он успел переспать. А это, по меньшей мере, около ста человек. Если вы помножите число обманутых мужей на количество провинций, которыми они владеют – получится весьма значительная часть Франции, уверяю вас. А теперь судите сами, стоят ли неприятности, о которых говорите вы – тех, что упомянул я. И ещё – де Валиньи наклонился к уху Журдена и прошептал. – Никому не говорите о том, что вы от меня услышали. Вы понимаете любезный? Никто не должен знать о том, что граф де Сансер – это самое худшее из того, на что мог

рассчитывать Орлеанский дом. А самое главное, не говорите об этом герцогине.

Де Валиньи явно довольный собой и своими словами, направился к выходу. Он совершенно не замечал, как радостно заулыбался Журден. Как и не знал, что ровно через минуту после его ухода, около десятка слуг, сумевшие подслушать разговор, сплотились возле Журдена и о чём то зашептались приглушёнными голосами.

Де Валиньи не видел всего этого. Он пребывал в уверенности, что его слова дойдут до слуха герцогини и она сделает соответствующие выводы. Больше того, он пребывал в уверенности, что его друг получит отказ в ближайшее время. И почти видел, как Луи благодарит его. Поглощённый этой картиной де Валиньи вышел из ворот дворца. Охрана, стоявшая у ворот беспрепятственно выпустила его. Они вообще сделали вид, будто не замечают его.

Оказавшись на площади, де Валиньи оглянулся вокруг себя. Куда же мог направиться Луи? Учитывая то обстоятельство, что он находился в незнакомом городе, де Валиньи бодрым шагом направился в сторону близлежащих огней. Огни ярко освечивали в темноте и де Валиньи предположил, что это может быть только харчевня. А если это харчевня, следовательно, весьма вероятно увидеть там Луи. Меньше чем через четверть часа, де Валиньи сумел убедиться в верности первого предположения. А чуть позже, когда он уже стоял у дверей харчевни под вывеской «Кабан и Утка» в верности второго. Ещё снаружи он услышал громкий голос, который, без всякого сомнения, мог принадлежать только Луи.

Дверь харчевни отворилась. На пороге показался пьяный мужчина. Он остановился посередине. Не выходя наружу, но и возвращаясь обратно. Так он и стоял на пороге харчевни, слегка раскачиваясь по сторонам. Пьяный снял шляпу и вытер ею лицо, а затем уставился на де Валиньи. Тот брезгливо поморщился, а затем вежливо обратился к незнакомцу.

– Не могли бы вы любезный, отойти в сторону и дать мне возможность пройти?

– Здесь много места – пьяный качнувшись показал на проход рядом с собой. Места хватало для того, чтобы боком протиснуться в дверь.

Де Валиньи, счёл такой ответ оскорблением для себя. Не долго думая, он схватил за шиворот пьяницу и вытолкнул на улицу. Пьяница по инерции прошёл несколько шагов и грохнулся оземь. Де Валиньи уже вошёл внутрь, когда услышал вопль того пьяницы, которого отшвырнул от двери.

– Убивают братья! Помогите!

Де Валиньи расхохотался было, но тут же осёкся и мгновенно выхватил шпагу. На него, сквозь полутёмную обстановку харчевни, наступало пару десятков пьяных мужчин. Оружия у них не было, однако лица... выглядели злобными и внушали серьёзное опасение. Де Валиньи быстро оглянулся в поисках своего друга. Луи нигде не было заметно, хотя де Валиньи мог поклясться, что слышал именно его голос. Вокруг него было несколько десятков деревянных столов. Все были забиты посетителями. Все как один смотрели в его сторону. И ни в одном из них, де Валиньи не увидел сочувствия. Все взгляды, направленные на него излучали открытую враждебность.

– Луи! – во всю силу своих лёгких воззвал де Валиньи.

Прошло несколько мгновений, в течении которых толпа приблизилась на весьма опасное расстояние. Де Валиньи напрягся, готовясь отразить атаку. Как назло, он не прихватил с собой кинжал. Хотя, в данной обстановке, кинжал мало чем поможет. Силы были слишком неравные.

Неужто придётся умереть здесь, в этом богом забытом месте? От рук этих пьяниц? – едва де Валиньи об этом подумал, как услышал печальный голос Луи.

- Твой друг мёртв Антуан! Граф де Сансер скончался. И я справляю достойную мессу для этого несчастного человека!

Трудно описать облегчение испытанное де Валиньи после этих слов.

-Если ты немедленно не придёшь на помощь, придётся заказать ещё одну мессу... для меня!

Сразу после этих слов воцарилась тишина. Толпа пьяных мужчин почему то остановилась и как один посмотрела вверх. Балкон, к которому вела выдавшие виды лестница и который по всей видимости представлял холл второго этажа- был пуст. Однако, все услышали поспешные шаги. А затем увидели нависшее сверху лицо. Рядом с лицом появились увесистые груди дородной женщины.

Антуан поразился внешнему облику своего друга настолько, что забыл об опасности угрожавшей его жизни в данную минуту. На Луи из одежды была лишь рубашка и штаны. Сапоги, по всей видимости, куда то делись. Штаны были испачканы чем то непонятным и выглядели ужасно. Рубашка висела непонятно как. Один рукав, почти по самое плечо, был оторван. У изгиба локтя была рана, на которой была заметна засохшая кровь. Ворот рубашки был буквально отодран и свешивался за спину. На шее виднелись несколько глубоких царапин. На подбородке был замечен кровоподтёк. Черт лица своего друга де Валиньи не удалось хорошенько рассмотреть, но он не сомневался, что оно выглядит не лучше чем одежда. Прежде чем де Валиньи снова заговорил, Луи с глубоким пафосом воскликнул с балкона.

-Умереть в бою за друга, что может быть прекрасней? Держитесь мерзкое отребье... канальи... жертвы пьяных акушеров. Граф де Сансер идёт в последний бой. Он умрёт за друга!

Издав дикий рык, Луи неизвестно откуда выхватил шпагу и ринулся по лестнице вниз на толпу. Он не успел спуститься, как толпа мгновенно разошлась. На месте оставался лишь здоровенный мужчина. Он поднял обе руки вверх, как бы объявляя себя побеждённым и сдаваясь на милость победителя. На всю харчевню прогремел бас этого мужчины.

- Одного раза было достаточно ваша милость! Вот свидетель, такого хорошего человека как вы, тут не видавали. И духом крепок, и кулаком, и выпить ... силен. Одним словом, просим прощения ваша светлость. Ваш друг, как и вы сами желанный гость здесь.

Закончив, мужчина слегка повернулся, собираясь встретиться с Луи лицом к лицу и тут...де Валиньи заметил здоровенный синяк у него под глазом. Сразу же пришло понимание, почему одежда его друга в таком состоянии. По видимому, ему пришлось основательно повоевать в этой богом забытой харчевне.

Луи спустился с лестницы. Вслед за ним спустилась дородная женщина в потрёпанном платье и румяными щеками. Это была самая настоящая толстуха. И ей было не меньше 50 лет. Вид у неё был, мягко говоря отвратительный. Чего стоили только покрасневшие глаза, которые излучали неприкрытую похоть...

Де Валиньи брезгливо поморщился. Боже, до чего дошёл Луи. После самых изысканных Парижских красавиц ... такое..

Тем временем, Луи, на которого, несомненно, подействовали слова сказанные громилой, как про себя, назвал его де Валиньи, приняв печальный вид и придавая голосу нотки глубокой грусти, заговорил. Де Валиньи, оставалось только поражаться, настолько изменчивым был, в этот вечер его друг.

- Ты не позволил мне погибнуть с честью, но тем не менее, я не держу обиды. И вовсе не ты тому причина. Сегодня, самый отвратительный день в моей жизни. Самый худший день в моей жизни. Если б я знал... если б я только знал, какое несчастье меня ждёт, клянусь вам.. я .. - Луи на мгновение прервал свою речь и оглянулся вокруг себя. Увидев женщину, которая сопровождала его, он поманил её рукой и как только она подошла,

обнял её за талию. Если конечно, то держала рука Луи, можно было так назвать. Женщина с глубоко счастливым видом прижалась к нему.

– Я бы женился на этом обаятельном, прекрасном создании – Луи продолжал прерванную речь, не замечая, что все вокруг поморщились, а де Валиньи едва не вывернуло после этих слов.

– И это несомненно, явилось бы гораздо меньшим злом для меня... чем ..то отвратительное создание, которую уготовила мне жестокая судьба и злая воля – Луи отпустил женщину и замахал руками вокруг себя, словно отгоняя чью то тень, ну да ладно... к чёрту графа... он уже мертвец и нам надлежит, как добрым католикам с честью похоронить этого несчастного. Хозяин – неожиданно закричал во всё горло Луи.

Через мгновение к нему подбежал высокий, худощавый мужчина с запачканным фартучком. Он низко поклонился и не выпрямлялся.

– Антуан дай денег этому в высшей степени почтенному человеку!

Де Валиньи, ожидал нечто такого, поэтому молча достал кошелек и начал отсчитывать монеты. Луи молча подошёл к нему и так же молча забрал у него кошелек из рук.

– Да там целое состояние, – возмутился было де Валиньи, но был остановлен глубоко печальным голосом Луи.

– Антуан, возможно ли, что я в тебе ошибался? Ты говоришь о деньгах, когда справляют заупокойную мессу по твоему лучшему другу?

Де Валиньи, только и мог, что развести руками в ответ на эти слова. А что ему ещё оставалось сделать?

Луи вручил эти деньги хозяину харчевни со словами:

– Держи мой добрый друг. Держи и позаботься о том, чтобы каждый в этой харчевне был накормлен до отвала. Дай всем самого лучшего вина. Пусть пьют за здоровье... за упокой – поправился Луи, – несчастного, разбитого, уничтоженного горем ... графа Луиа. Пейте друзья мои. Пейте и говорите прекрасные слова в адрес этого всеми любимого, уважаемого при жизни человека. Говорите добрые слова в его адрес, а я послушаю и оценю их. Я быть может смогу понять... каким был этот несчастный граф.

Едва Луи закончил, как возле него началось настоящее ликование. Все посетители одновременно выражали своё восхищение и свою благодарность щедрому другу. Хозяин, не в силах скрывать радостного блеска в глазах, быстро сунул кошелек в карман. Почти сразу же после этого, раздался его громкий голос. По харчевне забегало несколько служанок. Все столы, начали наполняться яствами и отменным видом. Луи недолго думая, рукавом рубашки стряхнул содержимое одного из столов. Затем взобрался на стол и приняв, глубоко печальный вид – застыл.

Де Валиньи, эта непонятная комедия начинала понемногу раздражать. Он подошёл к столу, на котором стоял Луи.

– Может, ты прекратишь этот идиотский спектакль и отправишься во дворец? И что чёрт поberi вообще происходит?

– Тсс – Луи приложил палец к губам, призывая де Валиньи к молчанию, эти достойные люди собираются выпить в честь твоего усопшего друга, а ты мешаешь. Помолчи Антуан, если конечно не хочешь сказать добрые слова в адрес покойного друга.

– Почему же не хочу?

Де Валиньи подошёл к одному из столов, взял чей то наполненный вином кубок и поднял его вверх, окидывая при этом взглядом всю харчевню.

– За покойного графа! За этого чёрствого, бездушного, самонадеянного, самовлюблённого эгоиста, который в своей жизни ничего и никого не любил, кроме самого себя. За человека, который считался моим другом, но на самом деле и понятия не имел что это такое. За человека, который оскорбил церковь! За человека, который оскорбил герцога Бурбонского, прилюдно выказав ему неуважение. За человека, который наставил рога доброй

половине мужей Парижа и после совершенного, имел наглость утверждать, что ему невыразимо кучно. Для общего веселья, ему наверное следовало прикончить мужей этих женщин. Да только беда в том, что покойного графа не прельщали вдовы. Следовательно, эта затея не могла принести ему утешения. В виду всего этого, он и оказался в этом ... месте. И умер, как нераскаявшийся грешник! За упокой души графа!

Де Валиньи опорожнил кубок и как ни в чём бывало поставил уже пустой обратно на стол. После его слов воцарилось полнейшее молчание. Слышны были глубокие вздохи посетителей. Все они избегали смотреть на де Валиньи, ровно как и на Луи, который с откровенной угрозой смотрел на своего друга. Де Валиньи с невинным видом обернулся к нему лицом.

– Ты не доживёшь до утра Антуан. Я тебя убью! – со всей серьёзностью пообещал ему Луи.

– И это вместо благодарности?

– Благодарности? – Луи чуть язык не проглотил от возмущения, – ты меня поносишь, как не поносят и самого заклятого врага, а в ответ ждёшь слова признательности?

– Ты ведь сам просил! – напомнил ему де Валиньи.

– Я? – возмущённо начал было Луи, но внезапно осёкся. Его лицо осветилось радостью. Он сошёл со стола, подошёл к де Валиньи и когда тот ожидал самого худшего, неожиданно обнял его и зашептал ему на ухо.

– Мой друг! Мой истинный друг! Только так я смогу избавиться от своей несчастной судьбы. Ты прав.

Луи отстранился от растерянного де Валиньи и прежде чем, залезть обратно на стол, нравоучительно заметил:

– Можешь говорить эти слова всюду за исключением этого места, ибо здесь они не уместны. Об усопших не принято отзываться плохо.

Де Валиньи был растерян. Он испытывал лёгкое потрясение, по причине того, что совершенно перестал понимать своего друга. Ему не оставалось ничего, кроме как сесть за один из столов и наблюдать, как Луи с умиленным видом слушал речь в адрес покойного графа де Сансер, то есть самого себя.

Глава 11

Где говорится о том, что не следует праздновать победу, не уверившись прежде, что она действительно достигнута.

В то время, как Луи справлял собственную мессу пребывая в ужасающем состоянии духа, во дворце, в покоях герцогини Орлеанской, царило радостное оживление. Несмотря на поздний час, обычно в это время обитатели отходили дворца отходили ко сну, опочивальня Генриетты была ярко освещена. Сама она находилась в состоянии крайнего возбуждения. Генриетта с весьма радостным видом мелькала возле кормилицы. Жюли, тяжело вздыхая, наблюдала за Генриеттой. Вот уже целый час, Жюли держала в руках ночную рубашку Генриетты. Она по привычке собиралась приготовить Генриетту ко сну, но не тут то было. Генриетта и не собиралась ложиться спать. Наблюдая за Генриеттой, Жюли пришла к неутешительной для себя мысли. По всей видимости, ей придётся провести ещё одну беспокойную ночь. Настроение Генриетты во всяком случае заставляло предполагать именно это.

– Мелкий, честолюбивый мерзавец – говорила Генриетта адресую свои слова Луи. Подумать только, осмелился поднять на меня руку. Смелчак, ничего не скажешь... да только сбежал этот смелчак да так, что и следов не оставил.

Генриетта, довольная собой и своей выдумкой – рассмеялась. Но тут же осеклась и насупив брови продолжала говорить. Справедливости ради надо сказать, что слова Генриетты были обращены к ней самой, нежели к Жюли. Кормилица, в данную минуту являла собой некую статую молчания. Впрочем, Жюли редко осмеливалась заговаривать с Генриеттой, несмотря на то, что находилась рядом с ней, с самого рождения.

– Но этот мерзавец осмелился поднять на меня руку. Я не могу оставить подобное оскорбление безнаказанным. Я должна отомстить. Жестоко отомстить. Да...этот выскочка.. этот совратитель женщин.. этот грубиян должен понести наказание. Генриетта на мгновение остановилась и обратилась к Жюли с неожиданным вопросом:

– Кормилица, ты не считаешь, что я поторопилась, изгнав этого негодяя из дворца? Возможно, следовало его прежде проучить? Зачем об этом думать сейчас? – Генриетта махнула рукой и отвернулась от Жюли. Она не обратила внимания на попытку последней ответить ... на прозвучавший вопрос.

– Этот мерзкий развратник покинул дворец. Дело сделано, так что следует забыть о нём.

Жюли подумала о том, что Генриетта впервые говорила о претенденте на её руку после его отъезда. Более того, он, по всей видимости, не давал ей покоя. Иначе, она давно бы лежала в постели.

– Я слишком много говорю об этом мерзком графе. Он явно не достоин моего внимания. Но он достоин самого худшего отношения к себе – тут же возразила Генриетта, видимо не до конца осознавая, что затевает спор с самой собой, – и с этой точки зрения я могу говорить о нём всё что угодно. Например, что он безмозглый, наглый, бесцеремонный, отвратительный, уродливый

– А мне его сиятельство показался весьма привлекательным, – осмелилась высказать своё мнение Жюли.

– Его сиятельство? – Генриетта выговорила эти слова, словно выплюнула их, – да этот негодяй даже «его ничтожеством» назвать язык не поворачивается. А ты «его сиятельство». Хотя если добавить одно слово, получится неплохо. Например:

«его мерзкое сиятельство» или «его развратное сиятельство». Этот мерзавец одинаково заслуживает всех слов. Да ладно, он убрался из дворца. Я его больше никогда не увижу. Так что следует забыть о нём.

Генриетта широко зевнула. Она уже собиралась встать перед Жюли, чтобы та приготовила её ко сну, когда где-то внизу раздался оглушительный грохот. Генриетту мгновенно охватило негодование. Кто посмел нарушить её покой? Не медля ни мгновения, она ринулась прочь из своей опочивальни. Выйдя в коридор, она торопливо последовала к лестнице. Жюли, оставив ночное платье, последовала за ней. Она едва поспевала за Генриеттой. Жюли слышала гневное бормотание Генриетты.

–Я покажу этим нерадивым олухам. Я покажу этим бездельникам...

Они достигли лестничной площадки и начали спускаться вниз. У Генриетты был весьма грозный вид. Жюли опасалась за исход. Она знала, что виновные будут наказаны. Генриетта, никому ничего не прощала. Однако, всё оказалось не совсем так, как представляли себе обе женщины.

Ещё издали Генриетта заметила толпу сгрудившихся слуг. Они стояли спиной к ней и лицом к входной двери, возле которой несомненно, что то происходило. Что именно, Генриетта не могла видеть. Спины слуг ей мешали. Она незаметно спустилась в холл и остановившись буквально в нескольких шагах от молчаливо застывших слуг, грозным голосом спросила:

– Что здесь происходит?

Её голос заставил слуг мгновенно сдвинуться в сторону. У всех на лицах был написан явный испуг. Они смотрели то на герцогиню, то на входную

дверь. Вернее, на то что лежало перед дверью. Прежде, чем обрушиться на слуг, Генриетта проследила за их взглядами и... остолбенела. Перед дверью, лежали два существа. Один наверняка был мужчиной. Если его можно было так назвать. Другое тело, несомненно, принадлежало женщине. Вернее, они уже не лежали, а пытались подняться, при этом цепляясь друг за друга. И женщина, и мужчина находились в отвратительном состоянии. От них несло спиртным за несколько лье. Об одежде этих людей, вообще не приходилось говорить. Она находилась в ужасающем состоянии.

– Да что здесь происходит? – вне себя закричала Генриетта, обретая наконец речь. Она поверить не могла, что кто-то из слуг осмелился явиться в таком виде к ней в дом.

Слуги молча опустили головы.

– Мерзкое отребье, да я прикажу вас высечь,

– Высечь? Меня? – раздался грозный рык, а вслед за ним мужчина неожиданно сделав усилие поднялся, заодно и приподняв вместе с собой свою спутницу. Оставив её шататься на месте, он нетвёрдым шагом подошёл к Генриетте.

– Опять ты?! – Луи с явной неприязнью взирал мутными глазами на Генриетту.

– Это вы...

Генриетта в себя не могла прийти. Этот граф...этот мерзкий граф.. он не только не уехал, но и посмел явиться в её дом в таком виде и.. с этой непотребной девкой. Генриетта почувствовала, как ярость застилает её глаза.

– Мерзкий граф. Чудовище. Грязный пьяница. Греховодник. Прелюбодей. Низкий, бесчестный человек. Вон немедленно из дворца. Сейчас же! – ярость Генриетты изливалась и пугала всех вокруг, но граф... он в ответ на слова Генриетты, лишь нагло усмехался. Так, по крайней мере, показалось Генриетте.

– Метера! – коротко выразил своё мнение Луи, – под стать своей госпоже. Неизвестно почему, Луи принял Генриетту за служанку герцогини.

– А ну пошла прочь с моих глаз, – Луи взял её за плечо и легко оттолкнул, – и не смей больше показываться мне на глаза! – предупредил он со всей серьёзностью, на которую был способен в данную минуту.

– Да как вы смеете? – Генриетта едва не потеряла дар речи, от бушевавшей в ней ненависти. Да как смеет этот грязный пьяница обращаться с ней таким образом? Никакой пощады. Никакой. Она убьёт его. Убьёт. Только так она смоет с себя оскорбление.

– Я всегда смею! – развязно ответил Луи и махнув рукой на Генриетту повернулся в сторону слуг. Некоторое время он всматривался в них, затем поманил пальцем Журдена. Тот кланяясь подошёл к нему. Луи обнял его и заговорил трогательным голосом.

– Друг мой Журден, знаешь ли ты какой сегодня день?

– Нет, мой господин!

– Сегодня состоялась заупокойная месса несчастного графа де Сансер. Несчастный скончался от горя. Он скончался в тот миг, когда узрел это отвратительное существо именуемое герцогиней Орлеанской. Понимаешь ли ты мой друг? После всех этих красоток, которые и сейчас мечтают заполучить меня в постель – она. Уродливая, отвратительная, наверняка бездушная ... что говорить – Луи безнадежно махнул рукой, а затем показал рукой на свою, развязно улыбающую спутницу, – она более достойный кандидат на место графини де Сансер.

Генриетта поверить не могла, что её не только оскорбляют, но и сравнивают с этой непотребной девкой. Она вся покраснела от гнева и ярости, готовая обрушиться на графа в любую минуту. Однако, Луи ничего не замечал, кроме собственного горя.

– Друг мой Журден, – продолжал Луи печальным голосом, – найдётся ли во дворце пара бутылочек вина? И не согласитесь ли вы опорожнить эти бутылочки в память о графе?

– Я к услугам моего господина! – кланяясь, Журден знаком показал слугам, чтобы они вывели женщину из дворца. Журден искусно занял Луи незамысловатым разговором. Пока длился этот короткий разговор, женщину вывели из дворца.

– Графа тоже выкиньте из дворца вместе с этой женщиной! – гневно приказала Генриетта, – но прежде всыпьте ему хороших ударов, чтобы никогда впредь, не смел, оскорблять женщин.

Луи терял хладнокровие. Это было заметно по его лицу, когда он вновь обернулся к Генриетте.

– Похоже, ты не собираешься успокаиваться?

– Я собираюсь тебя убить! – последовал ответ.

– Своим мерзким язычком?

Луи почти вплотную подошёл к Генриетте. Она храбро встретила его взгляд и с неприкрытой ненавистью в голосе, начала выливать на него поток площадной брани. Луи вначале широко распахнул глаза, потом нахмурился, а в конце речи Генриетты стал просто чёрного цвета. Жюли была в ужасе от происходящего. На всякий случай, она встала рядом с Генриеттой. Она не имела понятия, как поведёт себя граф.

– В этом дворце, даже умереть не дадут без оскорблений! – зарычал Луи.

– Именно! – перебила его Генриетта, в аду тебе самое место мерзкий граф.

– Мерзкий граф? – Луи с грозным видом наступал на Генриетту, – знаешь ли ты, что никто из ныне живущих, не смел произнести ни одного оскорбительного слова в мой адрес...

– Они боялись тебя. А мне вот наплевать и на тебя, и на твой грозный вид, и на твои угрозы! – Генриетта упёрлась двумя руками о пояс и с явным вызовом продолжала оскорблять Луи, – ты мерзкий, похотливый, ничтожный развратник. Грязный пьяница, свинья, никому не нужное отребье. И это ты уродливый и отвратительный! – срываясь на крик воскликнула с ненавистью Генриетта, ты

– Достаточно! – заревел от негодования Луи, – ну всё, моё терпение исчерпалось. Я тебя научу хорошим манерам..., я вырву твой мерзкий язычок. Луи бросился на Генриетту. Генриетта вскрикнула и рванулась прочь от него, к лестнице. Луи, спотыкаясь, побежал за ней. Генриетта, буквально взлетела по ступенькам вверх. Луи, последовавший за ней, не учёл своего состояния и споткнувшись о первую ступеньку, растянулся у подножья лестницы. Услышав грохот, Генриетта резко остановилась и обернулась. Грудь её бурно вздымалась. Сердце, бешено отсчитывало один удар за другим. Луи сумел по-настоящему напугать Генриетту. Даже сейчас, когда он лежал растянувшись на полу, и не подавал признаков жизни, Генриетта опасалась его. Она с явной остороженностью поглядывала в его сторону. Она не произнесла ни единого слова, пока слуги поднимали и уносили графа. Оставшись наедине с Жюли, Генриетта ещё некоторое время стояла на лестнице, затем торопливо направилась в свою опочивальню и заперлась.

Глава 12

Следующее утро, стало для Луи едва ли не самым мрачным за всю его жизнь. Едва сон покинул его тело, как Луи застонал. В голове плясали тысячи маленьких бесят. Каждый из них витанцовывал под свою мелодию. Тело одеревенело. А внутри тела, Луи чувствовал мерзкий бушующий поток,

готовый вырваться в любую минуту. Ему понадобилось добрых четверть часа, чтобы разомкнуть веки. Едва глаза открылись, как он почувствовал сильную резь и боль. Луи схватился руками за голову и глухо застонал.

– В себя приходит... наконец то.

Ещё не видя человека, которому принадлежали эти слова, Луи понял что голос принадлежит де Валиньи. Вслед за ним раздался другой голос, незнакомый Луи.

– Мы приготовили всё необходимое, чтобы помочь монсеньору. Думаю, мы сможем в ближайшее время облегчить его страдания.

Какой милый человек – подумал Луи, – он заботится обо мне. Надо бы посмотреть на него. Луи сделал попытку встать, но тут же охнул и схватившись двумя руками за голову, упал обратно на кровать. В голове возникла резкая и ужасающая боль. Луи сдавливал виски руками пытаясь унять её.

– Друг мой Луи, ты несомненно и полностью заслужил все свои страдания.

– Помолчи Антуан, богом прошу. Я ещё не забыл вчерашние твои слова, – голос у Луи был глухой и хриплый. Видимо сказывалась сухость во рту. Де Валиньи поднялся с кресла. С того самого кресла, где он провёл всю ночь тревожась за друга. Немного поодаль от него стоял Журден и с явным беспокойством смотрел на лежащего Луи.

Де Валиньи подмигнул Журдену.

– Уже угрожает. Следовательно, он не так плох, как мы полагали.

Луи снова застонал. Он не отнимал рук от головы. И в таком положении беспокойно ворочался в постели. Журден покинул комнату. Он вернулся очень быстро в сопровождении двух служанок. Чего только не было у них в руках. Обе по знаку Журдена хлопотали над Луи. Они начали поить его непонятно пахнувшим настоем. Прикладывали какие то примочки к голове, поправляли постель. Все эти хлопоты очень скоро принесли свой результат. Луи наконец смог сесть в постели. Яркая выраженная бледность начала уступать место лёгкому румянцу на щёках. Он уже не сжимал голову. В глазах появилось осмысленное выражение. Не раз за это время, Луи взглядом выражал признательность Журдену. Тот в ответ кивал головой, словно говоря: Это моя обязанность заботиться о гостях.

Де Валиньи во время всех этих священнодействий тихонечко посмеивался. Чем не раз вызывал неприязненный взгляд Луи. Но его по всей видимости чувства Луи по отношению к нему совершенно не волновали.

Журден выпроводил служанок из комнаты, а затем почтительно осведомился у Луи, как он себя чувствует?

– Благодарю тебя мой друг. Лучше. Намного лучше, – чуть помедлив, признал Луи, – хотя я и далёк от нормального состояния.

Де Валиньи хмыкнул.

– Ещё бы. Ты пропустил не меньше двух бочонков вина. Странно, что ты всё ещё жив. Другой,

– Антуан, если ты не можешь помочь, хотя бы не надоедай мне своими наставлениями – в голосе Луи послышалось раздражение, – и почему тебе не отправиться к моему дядюшке в Париж? Вы удивительно похожи с ним и можете составить чудесную пару.

– Когда ни будь я возможно воспользуюсь твоим советом. А пока, я намерен со всей серьёзностью обсудить твоё поведение. Я считаю его совершенно недопустимым. Ты гость в этом доме, не забывай этого Луи. У себя в доме, ты вправе себя вести как того пожелаешь, но здесь... ты должен придерживаться общепринятых норм поведения. И по меньшей мере оказывать уважение дому в котором находишься.

Де Валиньи произнося эту речь, выглядел совершенно серьёзным, что немного удивило Луи. Он не совсем ясно представлял себе, что подразумевает его друг под словами «недопустимое поведение»

- И что же не так в моём поведении? - поинтересовался Луи.
- Ты ещё спрашиваешь? - поразился де Валиньи, - Луи я никогда не знал тебя таким. Как можно было опуститься до этой женщины? До всего этого сброда, который ты называл своими друзьями?
- Женщина? У меня с ней ничего не было - в голосе Луи прозвучала неуверенность. Было заметно, что он сомневается в своих словах. - Во всяком случае, всё что я помню ...- Луи почесал затылок, пытаясь восстановить вчерашние события, и тут же признался. - Честно говоря, я не помню Антуан. Но в самом деле, глупо думать, что я и она.. между нами ничего не могло быть. Наверное. А что касается остальных...они набросились на меня, едва я вошёл туда. Вот и пришлось проучить этот сброд. Ну и как человек чести, я должен был возместить ущерб понесённый этими людьми по моей вине. Так что, я не совсем понимаю твоего отношения к вчерашнему вечеру. Я не раз такое выделял. Не понимаю, что тебя возмущает?
- Но ты не справлял по себе мессу Луи..
- А вот об этом лучше не напоминай! - в голосе Луи прозвучала открытая угроза в адрес де Валиньи.
Но де Валиньи словно не слыша его, продолжал.
- Ты не приводил падших женщин в дом своей невесты. Ты не поносил благородную женщину в присутствии двух десятков слуг. И прежде, ты не бросался на молодых девушек с кулаками, пытаясь избить их.
- И где же я это сделал? - Луи недоверчиво смотрел на де Валиньи. Было видно, что он не поверил ни единому его слову.
- Здесь. Во дворце.
- Здесь? Ты верно шутишь Антуан?
- И не думаю!
Луи на мгновение растерялся услышав ответ де Валиньи, но затем насмешливо улыбнулся. По всей видимости, в пылу разговора он совершенно забыл о всех своих неприятных ощущениях.
- Я прекрасно помню вчерашний вечер. Ну, почти прекрасно - поправился Луи, - я пошёл в харчевню. Там я слегка размялся, а потом выпил. После этого, ко мне привязалась какая то женщина. Потом пришёл ты. Я снова выпил. А потом.. потом я пришёл в эту комнату и лёг спать. Вот и всё. - В конце диалога Луи с надеждой посмотрел на де Валиньи, - ведь это всё?
- Нет не всё! - возразил де Валиньи, - ты явился во дворец совершенно пьяный, в обнимку с этой женщиной из харчевни. Я всю дорогу от харчевни до дворца уговаривал бросить эту женщину, но ты наотрез отказывался. Ты заявлял, что хочешь жениться на ней.
Услышав эти слова Луи расхохотался.
- Полно тебе мой друг, - сквозь смех упрекнул Луи де Валиньи, я был пьян, но не настолько, чтобы говорить такое..
- Можешь спросить у Журдена.
- У Журдена? - с явным беспокойством переспросил Луи, обращая свой взгляд к дворецкому.
- Да. У него. Он слышал и вторую часть спектакля, когда ты не только прилюдно заявил, что хочешь жениться на ней, но и заявил, что она выглядит предпочтительней в роли графини де Сансер, нежели герцогиня Орлеанская.
- Ну уж этого я не мог сказать! - в голосе Луи прозвучала непоколебимая уверенность, хотя взгляд выражал несомненно иное. Взгляд выражал опасение. И оно подтвердилось, как только Луи увидел кивок Журдена.
- Неужели я мог такое сказать? - простонал Луи и вновь схватился за голову, но уже по иной причине.
- Я думал что не мог, - де Валиньи не преминул подлить ещё яда в горькую чашу Луи, - но несмотря на все мои уговоры, ты наотрез отказывался покинуть её. Более того, ты со всей серьёзностью угрожал мне расправой,

если я «не оставляю в покое двух влюблённых». Это я повторяю твои собственные слова – счёл нужным добавить де Валиньи. – Несмотря на твоё ужасающее отношение, я всё же хотел незаметно провести вас в твою комнату, но к сожалению мне это не удалось виконт де Валиньи развёл руками, – вы оба свалились на мраморный пол, едва вошли внутрь. Грохот был такой, что можно было разбудить весь город. – Никто не услышал? – в голосе Луи прозвучала слабая надежда. Но де Валиньи тут же её развеял.

– Через минуту все обитатели дворца стояли рядом с вами. Благо, что герцогиня не пришла. Но не оставляет сомнений её осведомлённость о происходящем. Наверняка, она всё слышала из своих покоев.

– А может не слышала? – предположил Луи с весьма угнетённым видом, – я во всяком случае, очень надеюсь на это.

– Слышала, можешь быть уверен в этом. Я например, каждое твоё слово слышал!

– Ещё бы, ты ведь был рядом со мной, – удивился Луи, – а покои герцогини на третьем этаже, насколько мне известно.

– Мои тоже!

– И что это значит Антуан?

Де Валиньи вновь развёл руками.

– Я же не мог оставаться с вами в такой ситуации.

– Так ты меня бросил? – Луи от возмущения вскочил с постели и пылая праведным гневом двинулся на де Валиньи, – ты меня бросил в таком безнадёжном положении? Предатель!

Де Валиньи немного отодвинулся назад. Журден с беспокойством оглядывал то одного, то другого.

– Но не мог же я, в самом деле, оставаться рядом с тобой, когда ты на виду у всех собирался жениться на этой женщине и оскорблял герцогиню Орлеанскую – начал оправдываться де Валиньи, – ты даже не представляешь, какое унижительное это было зрелище. К тому же, ты ничего не желал слушать.

– Это не оправдывает твоего поведения – холодно ответил Луи, – ты не должен был позволять мне, опускаться до такой степени. И что происходило дальше? Я хочу всё знать! – Луи демонстративно отвернулся от де Валиньи и посмотрел на Журдена.

– Немного монсеньор – почтительным голосом ответил Журден, – вы попросили принести вина, для того чтобы выпить... прошу прощения за эти слова... чтобы выпить за упокой вашей души. Пока вы разговаривали со мной, я приказал незаметно для вас, выдворить эту барышню из дворца.

– Вот с кого надо брать пример, – Луи показал рукой на Журдена, – однако продолжайте мой друг.

– Потом появилась – Журден на мгновение запнулся, но де Валиньи пришёл ему на помощь.

– Та девица, что оскорбляла тебя

– Не напоминай о ней – Луи поморщился, видимо вспомнив все нелицеприятные слова, сказанные этой девицей в его адрес. Рассказывай мой друг, рассказывай что происходило потом – попросил Луи.

– Потом? – переспросил Журден, – вы с ней повздорили и

– Так это на неё я набросился с кулаками? – догадался Луи и сразу же побагровел от гнева, – не иначе эта девица опять меня оскорбляла. Что ещё могло меня заставить поступить столь неподобающе? Я прав?

Журден не смог вынести прямого взгляда графа и молча кивнул головой.

– Ах мегера. Ах негодная девчонка...и что она говорила?

Журден собирался было сказать, что не может повторить эти слова, но был остановлен жестом руки Луи.

- Лучше не напоминай мне. Я не помню и слава богу. Хотя можно предположить, что это была брань в мой адрес? И вероятней всего отвратительная брань? А возможно... неприкрытые оскорбления? Луи какое то время пристально смотрел на Журдена, затем покосился на едва заметно улыбающегося де Валиньи. Его лицо подсказало Луи, что если он и большее предположит, то явно не ошибётся.

- Я ничего не хочу знать! Иначе просто убью эту девицу.

Луи не раздумывая направился к двери.

- Куда ты? - окликнул его де Валиньи.

- К герцогине - откликнулся, не оборачиваясь Луи, - я должен немедленно принести извинения. Она должна знать, что я вовсе не хотел того... что вчера произошло.

- В таком виде? - поразился де Валиньи, - ты хочешь предстать перед герцогиней в таком виде.

Одежда на Луи была всё та же, что и прошлым вечером. Поэтому реакция де Валиньи была вполне понятна.

- К чёрту мой вид, - раздражённо отозвался Луи, - к тому же герцогиня всегда надевает вуаль. Так что, вряд ли ей удастся рассмотреть мою одежду.

- В вуали?

- Герцогиня переболела оспой!

Бросив эти слова, Луи вышел из комнаты. Де Валиньи присвистнул. Вот это новость. Да, такое... кого хочешь напугает. Кого хочешь выбьет из колеи. Узнать, что твоя будущая супруга ...да, теперь становилось ясно и поведение Луи и состояние, в котором он пребывал.

- Где покои герцогини? - в комнате снова появился Луи.

Журден поспешил к нему.

- Я провожу вас монсеньор!

Луи, вслед за Журденом направился по коридору, в другое крыло дворца. Журден провёл его к двери герцогини и предварительно отвесив поклон, удалился. Луи размышлял недолго. Подняв руку сжатую в кулак, он негромко постучал.

- Что вам ещё нужно? - раздался за дверью раздражённый голос, - я же приказала оставить меня в покое.

- Миледи, я прошу уделить мне несколько минут наедине, - без обиняков попросил Луи, - мне необходимо сказать нечто важное.

За дверью воцарилось настороженное молчание, а вслед за ним раздался осторожный голос.

- Говорите, всё что хотели. Я не собираюсь открывать вам дверь.

- Не очень то вежливо - пробормотал под нос Луи.

- Что вы сказали?

- Что хотел бы лично засвидетельствовать вам своё почтение - уже громче добавил Луи, - и если вы сообразоволяете открыть дверь..

- Я уже ответила вам! - голос герцогини резко перебил Луи.

- Ну и слава богу - снова пробормотал Луи, - я избавлен от необходимости созерцать это... чудовище.

- Что вы сказали?

- Я нижайше прошу прощения, герцогиня.

После короткого молчания раздался явно удивлённый голос герцогини.

- Просите прощения?

Луи не смог скрыть радости, услышав эти слова. По всей видимости, герцогиня ничего не знала. Только он подумал об этом, как снова услышал её голос.

- За вчерашний вечер? За эту непотребную девку, которую привели в мой дом?

- Да миледи! - искренне раскаиваясь, ответил Луи, - клянусь вам, я даже не сознавал своих поступков, что ни в коей мере не оправдывает их.
- Может, вы хотели бы извиниться и за то, что осмелились сравнить меня с этой девкой?

- Да миледи. Прошу прощения. Я так не думаю! - Луи почувствовал, что на этот раз не совсем искренен с собой.

- И за то, что набросились на меня... мою служанку и едва не избили её?

- Вот за это я не собираюсь просить прощения. Ваша служанка, просто воплощение всего дурного. Я бы на вашем месте.

- Вы не можете вести себя подобающим образом на своём месте и имеете при этом наглость, учить других?

- Прошу прощения миледи! Я больше не скажу ни слова. Все ваши слова справедливы и мне остаётся лишь оставить вас, но прежде, я бы хотел услышать слова прощения из ваших ... прекрасных уст.

Луи явно покривил душой, произнося последние слова.

- Вы их не услышите граф. Вы омерзительно себя вели, и я не собираюсь вас прощать.

Если бы Генриетта могла видеть Луи в этот миг. Луи явно повеселел, услышав эти слова.

- Возможно, всё не так плохо, как я предполагал вначале, - с воодушевлением пробормотал он, и уже громче добавил:

- Миледи, вы разбиваете моё сердце, и мне ничего не остаётся, кроме как принять наказание. Я вполне заслужил его. Но прежде, я бы хотел попросить вас. Позвольте, позвольте мне всего лишь однажды лицезреть вас... упасть к вашим ногам и горячо молить о прощении...

Луи с явной опаской ожидал ответа из - за двери. Молчание затягивалось.

- Уж не переиграл ли я? - пробормотал Луи и тут же с облегчением вздохнул.

- Я не собираюсь вас прощать. И вы никогда больше меня не увидите.

Слава богу - обрадовано подумал Луи. Он и представить не мог, что вчерашнее падение обернётся такой удачей.

- Я уношу с собой своё горе, миледи. Я буду молить господа о том, чтобы в вашем сердце нашлось немного жалости ко мне. Почтительно кланяюсь миледи. Всегда ваш покорный слуга граф де Сансер.

Луи и не думал кланяться. Он едва ли не вприпрыжку побежал от двери герцогини. Недалеко от лестничной площадки его ожидал Журден. Его удивил весёлый вид графа.

- Журден, друг мой, мне необходимо искупаться и переодеться. Есть ли у вас озеро поблизости?

- Есть в саду, но...

Журден так и не успел сказать, что в сад никто не может пойти без разрешения герцогини Орлеанской. Луи оставил его и торопливо бросился вниз. Спустившись во двор, Луи остановил первого попавшего на встречу слугу и попросил показать дорогу к саду. Слуга, хотя и с явным удивлением, но всё же проводил Луи до калитки, ведущей в сад.

Поблагодарив своего проводника, Луи отворил дверцу и вошёл на территорию сада. Его сразу восхитила красота этого удивительного места. Здесь всюду была заметна любящая рука. Все цветники красиво сочетались друг с другом, порхая среди извилистых аллей и столетних деревьев. Наслаждаясь красотой сада и вдыхая благоухающий аромат цветов, Луи направился по одной из аллей и вскоре увидел озеро. На берегу, у самой кромки озера была сооружена искусная скамеечка. Луи остановился возле неё. Сбросив с себя полностью одежду, он забросил её в кусты, подальше от глаз. Затем, разбежался и прыгнул в воду. Он сразу же почувствовал живительную прохладу озера. Вынырнув на поверхность, он размашистыми гребками поплыл к противоположному берегу.

Глава 13

Генриетта не знала, что и думать о визите графа. «Мерзкого графа». Иначе она его и не называла. Она не сомкнула ночью глаз, выстраивая свою оборону, но визит графа в мгновение ока всё обрушил. Строя свои соображения, Генриетта упустила из виду один, очень важный момент. Перед своим противником она появлялась в двух лицах. Он не имел понятия, с кем имеет дело. Перед герцогиней он пресмыкается, а её мнимую служанку ненавидит. Следовало в полной мере использовать это преимущество. Генриетта воспринимала графа, как заклятого врага. Соответственно все её мысли были направлены на то, чтобы как можно сильнее отомстить за оскорбления и унижения, которым она подверглась.

Генриетта отчётливо осознавал, что отец не на её стороне. Слуги тоже. Хотя по непонятной причине, они ничего не рассказали графу о её маленьком обмане. В любом случае, Генриетта оставалась одна в окружении многочисленных врагов. Но она не собиралась сдаваться. Она собиралась отомстить. Раз и навсегда показать всем вокруг, что она принадлежит только самой себе и никому больше.

Генриетта не понимала упорства графа, но несомненно была рада этому. Она сможет сполна насладиться местью при условии, что граф будет находиться под её постоянным наблюдением. Для начала. Она должна знать всё о нём. Куда он ходит? К кому? Зачем? – последний вопрос вызвал у неё сомнение, но Генриетта отбросила их. Чтобы победить, нужно знать слабые места своего врага. Итак, она постарается узнать всё об этом мерзком графе. Она будет подстергать его и нанесёт сокрушающий удар в тот момент, когда он меньше всего будет ожидать этого.

В том, что она сумеет должным образом отомстить, Генриетта не сомневалась. Однако, ей следовало успокоиться и более сдержано относиться к оскорблениям мерзкого графа. Хотя о каком спокойствии может идти речь, когда тебя сравнивают с непотребной девкой. Генриетта почувствовала, как гнев с прежней силой закипает в ней. Утешало одно. Этот мерзавец не получил того, что хотел. Она не позволит ему увидеть герцогиню Орлеанскую. Пусть мучается. Любые его страдания – это целительный бальзам для Генриетты.

Размышляя подобным образом, Генриетта не обращая внимания ни на слуг, ни на осторожное замечание Журдена, который советовал воздержаться от ежедневной прогулки по саду, направилась в свой излюбленный уголок. Сад был единственным местом, где Генриетта была полностью предоставлена себе. Она отрешалась от остального мира и погружалась в свой собственный. Мысли о графе, вернее о планах мести к графу, занимали Генриетту всё время, пока она добиралась до своей любимой скамеечки. Едва добравшись до неё, Генриетта сбросила обувь, затем села на скамеечку и опустила босые ноги в воду. Она рисовала в воображении одну картину за другой. Она представляла себе окровавленного графа, который валялся у неё в ногах и вымаливал прощение. Затем воображение рисовало другой образ, униженного, истерзанного графа. Образы сменяли один другой. Генриетта была настолько поглощена этими образами, что не замечала вполне здорового и всё ещё невредимого соперника, который находился всего в двух трёх десятках шагах от неё. Правда из всего тела над водой торчала только голова Луи, но всё же она была хорошо заметна. И если бы Генриетта дала себе труд оторваться от кровавых образов своего обидчика, она, несомненно, заметила бы его.

Луи сразу же узнал эту девицу. Вначале, он помрачнел, видимо вспомнив недавний разговор в комнате. Он уже собирался выйти и поставить на место эту девку, но неожиданно пришедшая в голову мысль, остановила этот порыв. Луи видел, что девушка не замечает его. И это позволило ему понаблюдать за ней, а заодно и воздержаться от необдуманных поступков. Эта девушка

прислуживала герцогине, следовательно, её помощь могла оказаться неоценимой. Это первое о чём подумал Луи. Он мог простить её. Разумеется, при условии, что она перестанет сыпать оскорблениями в его адрес и поможет ему избежать брака с этой ...Луи постоянно останавливался на этом месте. Он никак не мог подобрать подходящего слова, чтобы описать своё отношение к невесте.

Однако пора действовать – пробормотал Луи видя, что девица и не собирается его замечать. О чём интересно думает эта девица? Небось влюблена, как все остальные девушки её возраста?

С этими мыслями, Луи бесшумно ушёл под воду. Как раз в это мгновение Генриетта начала бормотать проклятия в его адрес. Неожиданно, она перестала бормотать и замерла, словно что то почувствовав. Вернее она почувствовала какое то прикосновение к своим ногам. Генриетта медленно опустила глаза, чтобы взглянуть на свои ступни... и тут же исторгла резкий крик. Из воды торчали две руки. Они обхватили её лодыжки и потащили на себя. Испытывая неподдельный ужас, Генриетта снова закричала и попыталась вырваться, но не тут то было. Руки с силой стаскивали её со скамейки в воду. Понимая, что не сможет противостоять этой непонятной силе, Генриетта начала во всю силу своих лёгких взывать о помощи. Но пока она придёт... Генриетта в несколько мгновений сползла со скамейки в воду. Как она ни упиралась, ни брыкалась, руки втащили её в воду, а затем потащили вглубь озера. Ещё несколько мгновений и она захлебнётся. Генриетта, ежесекундно выплёвывала воду и кричала в те мгновения, когда во рту не было воды.

– Ты умрёшь, умрёшь – твердил ей внутренний голос, и она почти уверилась в этом, как неожиданно почувствовала, что её никто не больше не тащит. Никто не держит. Стоя по самую шею в воде с мокрыми волосами, растерянная... Генриетта не знала, что и думать. Но через мгновение всё стало ясно. Где то сбоку прогремел оглушительный смех. Генриетта как ужаленная повернулась в воде и застыла. На расстояние руки от неё, в воде торчала голова её злейшего врага. Он заливался хохотом, чем привёл Генриетту в полное бешенство. Она уже собиралась обрушить на него свой гнев, но внезапно осознала, где она находится. И ещё осознала, что сила явно не на её стороне. Однако, она была настолько взбешена выходкой графа, что непременно высказала бы всё графу в лицо, но в этот миг насмешливый голос графа не позволил ей это сделать.

– Попалась ведьмочка. Ну что, будешь и дальше меня оскорблять? Если да, то мне следует немедленно утопить тебя в этом красивом озере. Луи слегка наклонил голову и черпнув губами воду, пустил тонкую струю в лицо Генриетты. Она заслонила вначале рукой, а затем с яростью начала бить руками по воде, забрызгивая Луи каскадом капель. Луи хохотал в ответ на агрессию Генриетты. Он делал вид что увёртывается. Это продолжалось до тех пор, пока Генриетта не осознала бесполезность подобной тактики.

– Будь ты проклят мерзкий граф! – закричала она, но тут же осеклась при виде мрачного Луи. Генриетта прикусила язык. Только не сейчас – умоляла она себя, только не сейчас. Потерпи немного. Только выберешься отсюда и сможешь сказать всё, что твоя душа пожелает.

– Опять ты за своё! – в голосе Луи различалось раздражение, – я ведь предупреждал тебя.

– Оставь свои нравоучения для падших женщин, – Генриетта несмотря на собственное желание удержаться от колкостей, так и не смогла этого сделать, – низкий, подлый человек без чести и совести. Вот кто ты. И я тебя не боюсь.

– Не боишься, значит? – мрачно переспросил Луи, – ну и что мне с тобой делать? Как ты сама понимаешь, оскорбления я терпеть не буду. У меня остаётся два выхода. Либо простить тебя. Либо... наказать.

- Вы не посмеете! - Генриетта попыталась отшатнуться назад, но по понятным причинам это у неё не получилось.

-Ты знаешь что посмею, - Луи говорил уверенно, - и вне всякого сомнения ты заслуживаешь наказания, но... - Луи неожиданно для Генриетты подмигнул ей, - я прощаю тебя. А в обмен жду твоей помощи. Иначе говоря, у меня к тебе есть предложение.

При виде гримасы отвращения появившейся на лице Генриетты, Луи рассмеялся.

- Надеюсь, ты не подумала о том, что я собираюсь жениться на тебе?

- Нет! - по лицу Генриетты было заметно, что именно об этом она и подумала.

- Отлично. Вижу, мы начинаем понимать друг друга. И я вовсе не собираюсь затащить тебя в постель и заняться с тобой любовью.

Генриетта непозволительно широко открыла рот, собираясь высказать этому мерзавцу по поводу его гнусных намёков.

- Хотя ты несомненно заслуживаешь этого, - Луи намётанным глазом знатока прошёлся взглядом по каждой чёрточке очаровательного лица Генриетты. Его взгляд слегка задержался на тонкой, белоснежной шее, на которой сверкали капли воды.

- Однако в мои планы входит дружба с тобой. И если ты согласна принять её и сообщать мне ... скажем о незначительных мелочах касающихся твоей госпожи...я смогу простить тебя с лёгким сердцем. Я не буду таить на тебя обиду. Ну как?

- Да за кого вы меня принимаете? - гневно начала было Генриетта, но тут же осеклась. До неё дошло, что именно предлагал граф.

- И вы действительно забудете все мои слова? - Генриетте казалось, что она произнесла эти слова вежливо. Хотя на самом деле, они прозвучали едва ли не как ругательство.

- Целиком и полностью! - пообещал Луи и тут же добавил, но мне нужны гарантии, что ты намерена выполнять ... честно выполнять нашу договорённость.

-Гарантии значит? А больше ничего вам не надо «дорогой граф»?

-Нет. Я например хотел бы знать как выглядит герцогиня Орлеанская? - было заметно, что эти слова дались Луи с тяжёлым трудом, - ответив на этот вопрос, ты могла бы доказать своё доброе намерение по отношению ко мне.

Ну держись мелкий, честолюбивый негодяй - Генриетта была просто счастлива такому обороту событий.

- В доказательство нашей дружбы, я точно опишу вам герцогиню.

- Правда?- обрадовался Луи. Он явно не ожидал такой уступчивости от этой девицы.

- Герцогиня страшно худая.

- Насколько худая?

- Худее некуда. Удивительно, что она вообще держится на ногах.

- Не очень приятное начало, однако продолжайте.

- Ноги у неё тонкие с такими глубокими язвами. Мне постоянно приходится накладывать специальный раствор, который избавляет её от болей.

- Так у неё случаются боли?

- Она не спит по ночам. Разве вы не слышали, как она кричит?

- Не слышал. И часто это случается?

- Каждую ночь!

- Проклятье! Это надеюсь всё?

- Только начало дорогой граф. Как другу, я вам расскажу всё. Например, я могу сообщить о том, что такие язвочки расположены по всему телу. Из - за них она потеряла свои груди.

- Чёрт, неужто такое возможно? У неё в самом деле их нет?

- Сейчас нет. Раньше были. И очень красивые.

- Мне нет дела до того, что раньше было у герцогини. Надеюсь это всё?

- Нет, но осталось совсем немного.

- Проклятье! Чёртова старуха!

- Тело в шрамах. Прежний врач герцогини не раз делал ей кровопускание. Сами понимаете, из- за болезни, а именно, из- за этих язвочек, швы на теле не затягиваются. Из под них постоянно сочится..

- Избавь меня от этих кровавых подробностей. Надеюсь, это всё?

- Нет. Но осталась совсем малость.

- Чёрт, должно же быть в ней что- то ... нормальное?

- Она умеет плакать.

- Правда?

- Да. Она всё время плачет. Видите ли граф, у неё и возле губ эти язвочки, поэтому она не может раскрывать рот когда улыбается. Вместо этого, она плачет.

- И как вы различаете, когда она смеётся, а когда плачет?

- Ну когда вы проведёте рядом с ней несколько лет..

- Несколько лет? Будь всё проклято. Надеюсь это всё?

- В общем да. У неё ещё волосы выпадают из головы. Несколько зубов... целых осталось. А в остальном, всё как у обычных людей.

- Остаётся только поражаться, как она вообще выжила.

- Она крепкая. Врач лечивший герцогиню, уверял нас, что при всех её болячках она наверняка переживёт всех.

- Я почему то не сомневаюсь в этом.

Генриетта, воистину упивалась мрачным лицом Луи. Но она даже близко не имела понятия, в каком угнетённом состоянии пребывал Луи.

- Ну и как вы себя чувствуете дорогой граф, после того как ознакомились с портретом своей невесты?

- Я связан словом чести, поэтому не могу покончить с собой, но я буду просто счастлив, если кто ни будь другой это сделает - Луи не кривил душой и Генриетта видела это. Ликование её возрастало. Не имея понятия об истинной причине появления графа, она нанесла ему удар не целясь. Но он попал точно в цель.

- Могу я попросить тебя?

- Всё что угодно дорогой граф!

- Сделай так, чтобы твоя госпожа не попадалась мне на глаза. Я не только забуду про твои оскорбления, но и щедро вознагражу тебя.

- Деньги? Они всегда кстати, - ответила Генриетта, изображая улыбку, а в это время раздумывала над тем, как почаше попадаться ему на глаза.

- И ещё одна просьба..

- Говорите.

- Я забыл захватить чистую одежду. Будь добра принеси её мне.

- Что такое? - возмутилась было Генриетта, но тут же обворожительно улыбнулась, - конечно, я немедленно принесу вашу одежду.

Ей в голову пришла чудесная мысль.

- Если это всё?

- Всё. Я признателен тебе за помощь.

Кивнув, Генриетта выбралась из воды, где провела последние четверть часа. Не обращая внимания на мокрую одежду, она помчалась во дворец. Едва добравшись до своих покоев, она закрыла за собой дверь и не обращая внимания на опешившую Жюли, которая находилась в её опочивальне, залилась залиvistым смехом. Генриетта хохотала очень долго. Жюли не понимала её состояния. Как не понимала этого странного веселья. Наконец, Генриетта начала успокаиваться. Всё ещё радостно улыбаясь, она приказала Жюли переодеть её. Не раз во время переодевания, Генриетта заливалась беспричинным смехом. А когда он заканчивался, раздавалось её бормотание:

- Получил мерзавец!

Вслед за этим вновь раздавался звонкий смех.

Жюли, за всю жизнь проведшую рядом с Генриеттой, ни разу не слышала, чтобы она так счастливо смеялась.

Чтобы не было причиной, надеюсь это к лучшему - думала она.

А Луи в это время, по прежнему стоял в воде и предавался тяжёлым мыслям.

Услышанное, повергло его в ужас. Но у него не было выхода. Он должен жениться. Таково желание короля. Он согласился выполнить это желание, хотя зная он о том, что ждёт его в Орлеане, несомненно потребовал для себя изгнания, или даже смерти. Всё же лучше, чем жизнь с этой полуистлевшей герцогиней. Луи пытался вспомнить известные истории личности, которые были бы столь же отвратительны как его невеста. Никто с ней даже близкого сравнения не выдерживал. Честно говоря, он даже не подозревал, что на свете существуют такие уродливые существа.

- Господи, за что такое наказание? - пробормотал Луи и эти слова послужили началом небольшого диалога, - не стоит и надеется на то, что эта гниющая старуха не доживёт до свадьбы. Да она ни за что на свете не упустит такую возможность. Она из гроба встанет, чтобы прийти к алтарю. Проклятье! Может Антуан согласится взять её в жёны? Нет. Не стоит на это рассчитывать. Да к тому же, как быть с волей короля в этом случае? - Луи отверг эту мысль и продолжал свой невесёлый диалог. - Остаётся надеяться на чудо. Ничего иного не остаётся. Надеяться и провести последний месяц моей безмятежной жизни так, словно меня ждёт не алтарь и невеста, а палач и эшафот.

В этом месте, Луи одёрнул себя.

Не стоит падать духом мой друг. Ещё не всё потеряно. Ведь сколько раз мне приходилось выпутываться из совершенно безнадёжного положения. Неужели на сей раз не удастся? Я непременно найду выход. Найду и утру нос моему дядюшке, а заодно и всем остальным, кто прямо или косвенно участвовал в этом злодеянии. Вздумали меня женить на полуистлевшей старухе? Ну погодите у меня. Я всем покажу, кто такой граф де Сансер. Последняя мысль вызвала у Луи резкий подъём настроения. Он почувствовал, как по жилам с удвоенной силой заструилась кровь. Он был готов к борьбе и мог бросить вызов любому. На губах Луи появилась особенная, столь свойственная ему улыбка. И эта улыбка покорила Генриетту. Она надеялась, что Луи находится в угнетённом состоянии, но вместо этого увидела его улыбающегося. Она тут же пообещала себе, что сотрёт эту улыбку с его лица. Она положила чистую одежду Луи, которую принесла с собой, на скамейку и уже собиралась уходить, когда услышала весёлый голос графа. - Спасибо милая!

Генриетта кивнула и заспешила прочь из сада. Луи вышел из воды, едва Генриетта скрылась из вида. Одевая одежду, он испытал некоторое затруднение, однако Луи не придал этому значения.